

Анна Орлова

ОВСЯНКА, МЭМ

18+

Анна Орлова

Овсянка, мэм!

«Автор»

2026

Орлова А.

Овсянка, мэм! / А. Орлова — «Автор», 2026

Мисс Мэри Райт, старой деве, осталось выдать замуж единственную племянницу, и можно будет тихо-мирно доживать свои дни где-нибудь в уютной деревенской глуши. Девушка влюблена, дело идет к свадьбе... И тут убивают будущую свекровь! Помолвка расстроена, расследование идет полным ходом, из шкафов подозреваемых вываливаются все новые скелеты. Но если тетя Мэри вознамерилась выдать племянницу замуж - тут и весь полицейский департамент помешать не в силах!

© Орлова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация:	5
Глава 1	6
Глава 2	27
Г	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Овсянка, мэм!

Аннотация:

Мисс Мэри Райт, старой деве, осталось выдать замуж единственную племянницу, и можно будет тихо-мирно доживать свои дни где-нибудь в уютной деревенской глуши.

Девушка влюблена, дело идет к свадьбе... И тут убивают будущую свекровь!

Помолвка расстроена, расследование идет полным ходом, из шкафов подозреваемых вываливаются все новые скелеты.

Но если тетя Мэри вознамерилась выдать племянницу замуж - тут и весь полицейский департамент помешать не в силах!

Глава 1

Дорсвуд, милая деревушка в окрестностях Лозборо, на юге Альбиона.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мисс Мэри Райт — энергичная старая дева тридцати семи лет.

Мисс Роуз Карпентер — юная племянница мисс Райт, медсестра, прибывшая в Дорсвуд ради ухода за леди Присциллой.

Леди Присцилла Поуп — старая ведьма (во всех смыслах), обладающая значительными собственными средствами, владелица коттеджа «Ивы».

Леди Хелен Хэлкетт-Хьюз — единственная дочь покойного барона Хэлкетта, которому некогда принадлежали окрестности Дорсвуда.

Полковник Бартоломью Хьюз — супруг леди Хэлкетт-Хьюз. Отставной военный, человек немислимых для смертного достоинств (по его собственному мнению) и напыщенный индюк (по мнению всех остальных).

Родерик Хьюз — сын и наследник четы Хьюз. Повеса, бездельник, любитель выпить и перекинуться в картишки.

Сибил Бредфорд — подруга леди Хэлкетт-Хьюз по пансиону. Трижды вдова.

Арнольд Фаулер — ученый-археолог с мировым именем, специалист по холмам фэйри.

Леона Фаулер — сестра Арнольда Фаулера, восходящая звезда кинематографа.

Чарльз Гилмор — владелец соседнего имения, одинокий чудаков и любитель редкостей. Самый завидный холостяк в округе.

Джеймс Миллер — местный викарий, страстно увлеченный благотворительностью и садоводством.

Рут Миллер — сестра викария, весьма целеустремленная особа.

Доктор Брайан Пэйн — деятельный молодой врач, напрочь лишенный светского лоска.

Инспектор Этан Баррет — столичный полицейский, который волею судьбы гостил неподалеку.

Констебль Стивен Догсли — пес-оборотень, помощник инспектора Баррета.

Констебль Греггсон — местный полицейский, потрясенный свалившимся на него расследованием убийства.

Альфред Уильямс — идеальный дворецкий, служит в семье Хьюз почти пятнадцать лет.

Миссис Уайлд — экономка в семье Хьюз, принята на должность около полугода назад.

Джоунс, Гроувер — садовники.

Сисси — горничная леди Присциллы.

Миссис Шилдс — служащая почты.

Миссис Брэнт, мисс Смит — ее подруги, жительницы деревни.

Миссис Харрис — наемная работница.

Дорсвуд, милая деревушка в окрестностях Лозборо на юге Альбиона

ГЛАВА 1

Овсянку следовало бы поместить в справочник «Яды и декокты» где-то между мышьяком и белладонной. Смерть от нее, конечно, не так скоростижна, зато очень, очень мучительна.

Подумать только, каждый день начинать со склизкой мерзости в желудке! Тут любой сведет счеты с жизнью, лишь бы не влечь дальше столь жалкое существование.

Я с отвращением подняла ложку, рассмотрела неаппетитную жижу с комками разбухшего изюма и опустила обратно в тарелку. Это было выше моих сил.

—Тут отличный повар, не правда ли, мисс Райт? — с набитым ртом поинтересовался полковник Биббингтон, мой сосед по столу, такой же скучный, как овсянка в его тарелке.

—О да!

Иронии он не заметил. Кивнул важно и принялся разглагольствовать о преимуществах альбионской кухни, о прелести альбионской погоды, о важнейших битвах альбионской истории...

Словом, Альбионом я была сыта по горло еще до того, как сошла с корабля на его унылую землю. Накапывал дождь, из порта доносились запахи водорослей, мокрой кожи, нечистот и гнилой требухи. Вокруг сновали моряки, носильщики и подозрительного вида дети.

Я поставила на палубу чемодан, в который легко уместились все мои скудные пожитки, и пониже надвинула шляпку, спасаясь от ветра и мороси.

Здравствуй, Альбион! Не думала, что снова тебя увижу...

Вежливый стюард помог мне сойти по трапу.

—Поймать вам такси, мэм?

Я покачала головой и легко солгала:

—Нет, благодарю. Меня встречают.

По правде сказать, денег оставалось совсем немного, а ведь нужно еще купить кое-какие мелочи. Теплую ночную сорочку, халат, шерстяные носки и прочее в таком роде. Совершенно отвыкла! В жарких странах не было нужды кутаться.

И расходы... Добираться придется на трамвае. Нужно еще подкрепиться — по-видимому, в одном из тех ужасных дешевых кафе, где чай похож на чуть подкрашенную воду, а ломтики тостов немногим толще бумаги и такие же безвкусные.

Стюард поджал губы, не дождавшись чаевых, затем улыбнулся следующей пассажирке с безвкусно огромными бриллиантами в ушах.

Что же, в нашем мире ты получаешь то, за что можешь заплатить.

Я отвернулась, крепко сжимая ручку потертого чемодана. Когда-то роскошный, из крокодиловой кожи, с обитыми медью уголками, теперь верный спутник моих путешествий поизносился и обтрепался. Впрочем, как и я.

От воспоминаний меня отвлек звонкий голос:

—Тетя Мэри!

—Роуз? — поразилась я, высмотрев в толпе светлую девушку в маленькой старомодной шляпке.

Совсем как на фото, которое она выслала мне полгода назад.

Конечно, я отправляла телеграмму — нехорошо было бы нагрязнуть без предупреждения. Но не думала, что племянница ради меня примчится из своей глуши.

Роуз привстала на цыпочки и неистово замахала руками, чуть не уронив сумочку.

—Тетя Мэри, я тут!

Я перехватила чемодан обеими руками, выставила перед собой и ввинтилась в толпу, действуя им на манер тарана и то и дело повторяя:

—Простите... Извините... Я такая неуклюжая...

Несколько минут спустя я наконец смогла обнять Роуз за хрупкие плечи.

—Как ты, дорогая?

Роуз часто моргала. Светлые, как у многих натуральных блондинок, ресницы слиплись от слез, но губы улыбались.

—Со мной все хорошо, тетя... Нет, правда, хорошо! Я так рада, что ты смогла приехать!

—А уж как я рада.

Я прижалась щекой к ее макушке и прикрыла глаза.

Оно того стоило. Стоило бесконечных дней болтанки в каюте, остатка моих сбережений и даже мерзкой овсянки.

Прежде всего мы отправились за покупками. С ними, впрочем, было покончено быстро — я привыкла довольствоваться малым и была не слишком придирчива. Зато Роуз с удовольствием поглазела на витрины и выбрала себе новую брошь: золотисто-оранжевый кленовый лист, который так подходил к ее коричневому пальто.

О чашке чаю в дешевой забегаловке Роуз даже слышать не захотела.

—Тетя, что за глупости? Тебе нужно нормально питаться. Ты ужасно похудела, и под глазами синяки.

—Любопытный способ сказать женщине, что она постарела, — усмехнулась я.

Роуз смутилась и притворно нахмурилась.

—Тетя, не переводи разговор. Ты истощена, я это говорю не как любящая племянница, а как медсестра!

Она была так очаровательна, что я со смехом сдалась.

—Хорошо-хорошо. Покоряюсь и внимаю. Что ты мне пропишешь? Бульон?

—Хорошую отбивную, рагу и крепкий сладкий чай. Счет оплачу я! И не спорь.

От любого другого слышать подобное было бы унижительно, но Роуз сделала это с таким тактом, что я лишь кивнула...

Вкусная еда и немного заботы совершили чудо. Я расслабилась, чего не позволяла себе уже долгие, долгие месяцы.

—Что ты собираешься делать теперь? — спросила Роуз, когда от плотного обеда остались лишь крошки.

—Понятия не имею, — пожала плечами я и сказала с наигранной бодростью: — Буду искать работу.

На какое место я могла претендовать? Для горничной я слишком стара. Секретарша? Продавщица в одном из модных универсальных магазинов? Помощница аптекаря? Везде нужны молодые, хорошо бы с образованием. В мои тридцать семь на новом месте устроиться тяжело.

Выкручусь. И не в таких переделках бывала.

Я ни словом не обмолвилась, насколько печальны мои дела. Но Роуз, при всей ее наивности, дурочкой не была. Она протянула руку и сжала мою ладонь. В огромных голубых глазах племянницы читалось сочувствие.

—Тетя Мэри, мы что-нибудь придумаем. Обязательно!

—Мы? — переспросила я, подняв брови. — Мне показалось, или ты имела в виду не нас с тобой?

—Так и есть, — призналась она, покраснев. — Я имела в виду леди Присциллу Поуп, мою хозяйку, и... еще одного человека. Очень хорошего человека!

Мне стало смешно и чуточку грустно. У малышки Роуз появилась сердечная привязанность? Ничего удивительного, ей ведь уже девятнадцать, к тому же Роуз — настоящая красавица. Тоненькая, нежная, хрупкая, словно фарфоровая.

—Роуз, — сказала я мягко, — я очень ценю твою заботу. Но не стоит отягощать моими проблемами посторонних. Я справлюсь.

Она нахмурилась.

—Тетя, я ведь смогла выучиться и получить диплом медсестры только благодаря тебе. Я знаю, что папа с мамой не оставили мне ни пенни. Последние три года именно ты оплачивала мои счета и учебу, еще и присылала деньги на булавки. Теперь мой черед.

—Я делала это не ради...

—Тетя, перестань! — Обычно кроткая Роуз, кажется, начала сердиться всерьез. — Конечно, не ради этого. Я просто очень тебя люблю и... У меня больше никого нет. Побудь со мной хотя бы немного, прошу.

Я покачала головой.

—Боюсь, это невозможно. Тебе нужно возвращаться.

А у меня нет денег на пансион, даже если он найдется в той деревушке.

—А вот и нет! — Роуз, как маленькая, показала мне язык. Сущее дитя! — Леди Присцилла пригласила тебя на уик-энд. На Белтайн, если точнее. Сама пригласила, я об этом даже не заикнулась! Просту тебя, поедem со мной.

Я посмотрела на желтые нарциссы в вазе. Вздохнула.

—Роуз, послушай...

Очень соблазнительно. Мне так нужна передышка. Но...

Роуз подалась вперед и умоляюще сложила руки.

—Леди Присцилла очень богата, ты нисколько ее не стеснишь. Тетя, прошу!

—Ну хорошо, — сдалась я, помолчав.

В конце концов, что значат эти три дня?

Выйти нам пришлось в Лозборо, поскольку в крохотном Дорсвуде поезд, конечно, не останавливался. Роуз настояла на путешествии первым классом. «Я могу себе это позволить, тетя Мэри!» — гордо сообщила она. Так что в пути я прекрасно отдохнула и теперь с интересом разглядывала окрестности из окошка такси.

Это была деревушка на берегу живописного ручья, словно сошедшая с открытки. Кирпичные стены, побуревшие и выщербленные от времени, придавали домикам какое-то неизъяснимое очарование, а крыши из дранки делали их похожими на трухлявые грибы. Пожалуй, смотрелось бы мрачновато, если бы не буйство красок в палисадниках. Царственные розы, капризные клематисы, милые анютины глазки и веселый душистый горошек притягивали взгляд и смягчали суровый вид деревни.

—Красиво, правда? — с гордостью спросила Роуз, как будто сама вырастила все это разноцветье. — Эй, осторожнее!

Такси резко затормозило, едва не сбив с ног почтенную даму, укутанную в великое множество шалей и платков. На вид ей было за восемьдесят. Старушка пересекала дорогу с неприужденной уверенностью лайнера в океане.

Водитель посигналил и замахал руками, отгоняя старую даму, словно курицу. Лицо ее, похожее на печеное яблоко, гневно сморщилось, и старушка потрясла в нашу сторону кулаком. Затем она расправила на плечах три шали — пуховую, шелковую и кружевную — и поковыляла дальше.

Водитель вполголоса чертыхнулся и вновь тронулся с места, теперь куда осмотрительнее.

—Миссис Меллинг, — объяснила Роуз рассеянно. — Местная достопримечательность. Половина деревни — ее родня, так что у нас ее уважают.

«У нас», неужели?

Я приподняла бровь.

—Дорогая, надеюсь, ты не собираешься осесть в этом... милом уголке?

Роуз залилась краской и вздернула подбородок.

—Почему бы и нет? Мне нравится Дорсвуд.

—Мне тоже, — созналась я, разглядывая чудесные маргаритки вдоль дороги. Похоже, когда-то неподалеку жили фэйри. Даже через сто с лишним лет с тех пор, как фэйри ушли, остатки силы еще питали эту землю. — Сам по себе Дорсвуд неплох. Но, дорогая, ты так молода! Стоит ли хоронить себя в такой глуши?

—Ты неправа, тетя Мэри, — сморщила носик Роуз, нервно поправляя перчатки. — Дорсвуд чудесный! Здесь живут прекрасные люди и...

Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

«Прекрасные люди», ну конечно! Добросердечная Роуз всех судила по себе, не замечая в окружающих ни изъянов, ни пороков. Когда-то я тоже такой была, поэтому знала, что спорить бессмысленно. Во всяком случае, напрямую.

—Роуз, дорогая, — сказала я терпеливо, похлопав ее по руке. — Разве хорошие люди живут только здесь?

Вопрос был с подвохом, и племянница не нашлась с ответом. Упрямо поджала губы и отвернулась, делая вид, будто заинтересовалась пейзажем.

—Взгляни! — Она указала на старинную церковь. — Разве она не прелестна? Говорят, ей семьсот лет.

Возможно, только годы не пошли церквухе на пользу. Стены поросли мхом и лишайниками, витражи кое-где раскрошились, а крыша выглядела так, будто вот-вот свалится на голову.

Я промолчала, лишь быстро взглянула на лучащееся счастьем лицо племянницы.

Влюблена. Влюблена отчаянно и безоглядно.

Коттедж «Ивы», как нетрудно догадаться, располагался на берегу пруда, поросшем старыми узловатыми ивами. По меркам Дорсвуда, дом был почти новым — век, не больше, что для этих мест сущая ерунда. Нарядные белые стены, красная черепичная крыша, а сад...

Мне вдруг захотелось выпрыгнуть из такси, снять туфли и побежать по газону босиком. Провести ладонью по нежным, словно нарисованным акварелью анютиным глазкам в кашпо и ящиках. Устроиться в шезлонге под пышной липой. Срезать букет пионов, только-только начавших распускаться на клумбе у входа. Нарвать базилика, мяты и розмарина, зеленеющих чуть поодаль. Посидеть с книжкой в беседке, что прячется в глубине сада, попить чаю на веранде.

Я вдохнула аромат душистого горошка, обвивающего кирпичную ограду, и прикрыла глаза. Пожалуй, кое в чем Роуз права. Дивное местечко. Почти как коттедж «Дрозды», в котором я родилась и выросла. Я не была там сколько?.. Почти двадцать лет. Но дом все еще мне снится.

—Тетя Мэри? — осторожно окликнула Роуз, тронув меня за плечо. — С тобой все в порядке?

—Разумеется! — Я заставила себя выдохнуть и отвести глаза.

Успею еще налюбоваться.

Такси покатило по гравийной дорожке и остановилось у входа. Резные колонны напоминали ивы, в стороне умиротворяюще журчал фонтан.

Рядом с пышными кустами пионов возился садовник. Он перемешал палочкой какой-то бурый состав, накачал насос и принялся обрызгивать нежно-розовые бутоны. Пахло отвратительно.

Я остановилась как вкопанная и крикнула:

—Перестаньте! Что вы делаете? Да-да, я вам говорю.

Садовник посмотрел на меня исподлобья. Руки его прятались в широких садовых перчатках, а лицо скрывала низко надвинутая шляпа. На вид ему было лет пятьдесят.

—Отойдите, мэм! Не то может случиться несчастье. Это очень едкий состав.

Последнее он, кажется, сказал с гордостью.

—Еще какое несчастье, — кивнула я. — Вы сейчас уничтожите эти чудесные цветы.

Один роскошный куст уже был наполовину покрыт коричневой жижей. Ему же больно!

—Мэм, при всем уважении, — побагровел садовник, — я знаю, что делаю!

—Сомневаюсь, — отрезала я, отогнав желание отобрать насос и... обрызгать этой гадостью самого садовника. — Иначе не стали бы обрабатывать эти несчастные пионы табачным настоем с дегтем.

—Да что бы вы понимали! — разошелся садовник, взмахнув своим нехитрым инструментом. — Это же тля, видите? От нее нужно избавиться.

В доказательство он потряс еще не распустившимся бутонем, по которому деловито сновали муравьи. Прозрачный, липкий даже на вид налет подтверждал его правоту. Но неужели у хозяйки этого дома не хватит денег на нормальное зелье?

Я чуть повысила голос:

—Ваш состав уничтожит не только тлю, но и облюбованные ею бутоны!

Негромкие аплодисменты разорвали напряженную предгрозовую тишину.

—Браво, милая, браво! — Пожилая леди неторопливо спускалась по ступенькам, элегантно опираясь на трость. На голове у нее был тюрбан, мочки ушей украшали массивные серьги. — Джоунс, я же велела вам ничего не предпринимать, не спросив прежде разрешения. Мало вам несчастного клематиса, у которого из-за неправильного полива едва не загнили корни? Или роз, слишком рано укрытых на зиму?

Лицо ее походило на вырезанную из коры маску. Потемневшую кожу покрывало бесчисленное множество морщин, узкий бесцветный рот напоминал трещину в стволе, а нос — самый обычный сучок. Зато глаза, яркие, зеленые и живые, сводили облик старой развалины на нет. А еще ощущалась рокочущая, тяжелая сила, способная пригибать деревья.

—Но это же просто тля, — пробурчал Джоунс, по-детски спрятав свой вредоносный состав за спину. — Еще мой дедушка...

—Во времена вашего дедушки, Джоунс, пионы в наши края даже не завезли, — погрозила ему узловатым пальцем старая леди. — Скройтесь с глаз моих. Иначе...

Дослушивать садовник не стал. Неловко поклонился и опрометью кинулся прочь.

Старая леди устремила на меня тяжелый взгляд.

—А вы, милая...

—Позвольте представить вам мою тетку, мисс Мэри Райт. — поспешно вмешалась доселе молчавшая Роуз. — Тетя, это леди Присцилла Поуп, хозяйка «Ив». Я ухаживаю за леди Присциллой уже третий месяц.

Старуха отчего-то хмыкнула и по-мужски протянула мне крепкую и узловатую, будто древесный корень, руку.

—Здравствуйте. — Она склонила голову к плечу, разглядывая меня, словно те несчастные пионы.

Какого цвета? Когда зацветут? Не обманул ли продавец с сортом? Нет ли каких болезней?

—Рада знакомству, леди Присцилла, — вежливо сказала я, пожимая твердую ладонь.

Странное чувство — будто зуд под кожей — заставило меня поморщиться. Все-таки чужую магию я воспринимаю с трудом.

Старая леди вновь хмыкнула и склонила голову к плечу.

—Расслабьтесь, я не причиню вам зла. Слово ведьмы.

Я выдохнула.

Не сказать, чтобы в Альбионе было так уж мало ведьм — с тех пор, как их перестали преследовать, одаренных стало намного больше, — но встретить одну из них в таком глухом местечке было неожиданно. Это раньше ведьмы прятались в лесах и отдаленных деревушках, теперь скрываться нет нужды.

—Нам следует выпить чаю, — изрекла леди Присцилла, поудобнее перехватив трость.

И, не дожидаясь ответа, направилась к дому. Оставалось только подчиниться.

День был прекрасный, на редкость солнечный и теплый, так что мы устроились на веранде. Горничная накрыла на стол и бесшумно удалилась.

—Милая, — обратилась ко мне леди Присцилла, раскладывая по тарелкам пирожные.
— Вы ведь ищете работу?

Никаких светских разговоров о здоровье и погоде. Хотя ведьмы всегда были на редкость прямолинейны. Могли себе это позволить.

—Кхм, — кашлянула я. — Признаться... да.

—Не обижайтесь на старуху, — усмехнулась она. — Я слишком стара, чтобы тратить время на бессмысленную болтовню, поэтому спрашиваю прямо. Как вы смотрите на то, чтобы остаться в «Ивах»?

В мудрых зеленых глазах светились насмешка и понимание.

Роуз вскрикнула, глаза ее восторженно заблестели.

—В каком качестве? — поинтересовалась я, не торопясь радоваться.

—Видите ли, милая моя, — леди Присцилла принялась разливать чай, — мне уже не под силу присматривать за хозяйством. С домом я кое-как управляюсь, но сад в запустении.

Запустение — громко сказано, хотя старую леди можно понять. Нелегко смотреть, как дорогое тебе место ветшает и приходит в упадок. Поэтому я никогда не вернусь в «Дрозды».

—Горошек и сейчас выглядит прекрасно, — искренне похвалила я, за что удостоилась благосклонного кивка.

Старая леди тщательно размешивала ложечкой сахар.

—Раньше я сама много делала в саду. Кое-что пересаживала, обрезала розы и так далее. Хотя тяжелые работы, разумеется, выполнял садовник. Однако полгода назад Уитс ушел на покой, оставив меня в сложной ситуации.

—Неужели так сложно подыскать знающего садовника?

Она пожала плечами.

—Мало желающих ехать в такую глушь. Джоунс, мой нынешний садовник, раньше служил в нотариальной конторе, а садоводством увлекся на пенсии. Он не так плох, однако нуждается в присмотре. Думаю, вам это по плечу.

Я осторожно пригубила горячий чай. Он оказался выше всяких похвал, с тонким ароматом бергамота и вишневого листа.

—У меня нет образования и рекомендаций, — заметила я наконец.

—Мелочи, — отмахнулась она. — Мне не нужны чьи-то рекомендации, я больше доверяю собственным глазам. Вы ладите с растениями, ведь так?

Я молча наклонила голову.

Не только с растениями, хотя мне всегда нравилось с ними возиться.

У нас, потомков светлых фэйри, всегда есть что-то... эдакое. Исцеление, музыка, цветоводство, живопись — все то, что помогает создать в этом неуютном мире свой кусочек гармонии.

Звучит-то как: потомки! На деле кровь настолько разбавлена, что уже почти не в счет.

—Я положу вам хорошее жалованье, — продолжила леди Присцилла, отпивая чай. — Числиться вы будете... думаю, моей компаньонкой. Садовница — это слишком эпатажно для Дорсвуда. В доме будете проживать на том же положении, что и ваша племянница, столоваться со мной. Заодно составите мне компанию. Ну, что скажете?

Роуз затаила дыхание и умоляюще сложила руки.

В конце концов, почему нет? Все устроилось как нельзя лучше.

—Я согласна. Если только мне не будут подавать на завтрак овсянку.

От такой перспективы меня передернуло.

—Милая моя, — произнесла леди Присцилла снисходительно, — в моем доме не едят овсянку. Признаться, терпеть ее не могу. Надеюсь, против старой доброй ветчины, булочек и яичницы вы ничего не имеете?

Облегчение было столь велико, что я едва не воспарила над верандой, как семя одуванчика.

—Ровным счетом ничего, — заверила я серьезно.

Леди Присцилла хлопнула в ладоши.

—Превосходно! Тогда можете завтра же приступать.

Джоунс, конечно, в восторг не пришел, и его трудно было за это винить. Пока мы с Роуз после чая гуляли по саду, он все время что-то ворчал себе под нос, громко шаркал ногами и гремел тачкой.

От Роуз не ускользнуло его возмущение.

—Тетя Мэри, — тихонько сказала она мне, остановившись на берегу пруда. — Не обижайся на мистера Джоунса. Он не злобный, просто...

—Просто не привык подчиняться какой-то приезжей фифе, — закончила я с улыбкой, видя ее неловкость. — Дорогая, не тревожься. Поверь, крокодилы или, скажем, москиты куда неприятнее мистера Джоунса.

—Тетя! — возмутилась Роуз, но не выдержала и рассмеялась.

—Поверь своей старой тетушке. — Я похлопала ее по локтю. — Я вполне способна осадить Джоунса.

—Даже не сомневаюсь. — Племянница порывисто обняла меня и крепко прижалась к моей груди. — Мне так тебя не хватало, тетя! Я ужасно соскучилась. И совсем ты не старая.

—Ну-ну. — Я погладила ее по спине, обтянутой темно-синим строгим платьем. — Роуз, дорогая, ты преувеличиваешь. Как ты могла по мне скучать? В последний раз мы виделись на твоих крестинах, и ты вряд ли это помнишь.

Она помотала головой.

—Зато последние три года мы постоянно переписывались. Тетя Мэри, ты для меня ближе всех на свете!

—Даже ближе твоего молодого человека? — спросила я лукаво. — Ну-ну, не смущайся. Это ведь прекрасно.

—Да, но... — Роуз отстранилась и вытерла глаза.

—Что — но?

Ответить она не успела. Из дома выглянула горничная и позвала:

—Мисс Карпентер, мисс Райт! Обед через полчаса, мне велели напомнить.

—Спасибо, Сисси, — отозвалась Роуз смущенно. — Тетя, позже поговорим, хорошо?

Позже нам поговорить не удалось.

Вечером в Дорсвуде разыгралась гроза, а с нею — и ужасная мигрень у леди Присциллы. Роуз просидела у ее постели всю ночь, то давая микстуры, то протирая виски пациентки ароматной водой с уксусом. К утру она сама валилась с ног, и леди Присцилла, которой наконец стало лучше, отослала Роуз отдыхать.

Я позавтракала в одиночестве, а после вышла в мокрый после ночного дождя сад.

Дорожки блестели, словно покрытые лаком. С деревьев срывались холодные капли. Анютины глазки поникли, пришибленные ливнем, а пионы склонили бутоны до самой земли.

Садовник возился с молодыми бальзаминами, которые бурей повалило набок.

—Доброе утро, мистер Джоунс! — крикнула я.

Мокрый газон хлюпал под ногами. Следовало бы купить калоши, но кто знал, что они понадобятся?

—Мисс Райт! — Садовник поднял голову и просиял так, что я сразу заподозрила неладное. — Смотрите, какая напасть!

И сунул мне под нос лист хосты с десятком слизней.

—Что прикажете с этим делать? — Мистер Джоунс преданно тарашил глаза, но злорадные нотки в голосе его выдавали.

Должно быть, приличной леди от такой мерзости полагалось завизжать или повалиться в обморок. После чего, конечно, немедленно уехать.

—Мистер Джоунс, это же...

—Вам плохо, мисс?

Не на ту попал.

—...великолепно! — закончила я твердо. — Они очень полезны, вы знали? Конечно, если слизней становится слишком много, они могут нанести вред. Но тогда достаточно обработать сад специальным зельем, я знаю хорошее.

Он замотал головой.

—Зелый хозяйка не признает. Мешают, говорит. Да и вообще... У нас тут так не принято!

Я вздохнула про себя. Так было бы проще, но что поделать?

А с «вообще» тем более не поспоришь. В глубинке до сих пор к зельям относятся с большим предубеждением.

—Тогда можно рассыпать порошок корицы, истолченную яичную скорлупу и чуть-чуть медного купороса. Годится также уксус или соль, но их нужно применять с осторожностью. Если, конечно, вы не предпочитаете пивные ловушки.

—Пивные ловушки? — переспросил он тупо.

—Ну да. Следует закопать в саду банки, в которые налить немного пива. Слизни залезут туда, привлеченные запахом, и...

—И? — переспросил он заворуженно.

—Не смогут выбраться обратно! — закончила я с торжеством.

Садовник схватился за сердце.

—Доброе пиво? Слизням? Мисс, да как можно-то?!

—Ну-ну, Джоунс, не нужно так волноваться. — Я по-дружески похлопала его по руке. — Не думаю, что слизни так уж хорошо разбираются в пиве. Так что вы можете налить им какого-нибудь похуже.

—Н-н-нет уж, мисс, — мотнул головой Джоунс, все еще красный от негодования. — Это же надо придумать — пиво! Я лучше по старинке, горчицей обойдусь.

—Как угодно, — ответила я, пряча улыбку. — Если вам требуется лишь отпугнуть слизней, это и впрямь один из лучших способов. А вот если вы хотите их поймать, то я советую все-таки пиво.

—Поймать? — не понял садовник. — Зачем, мисс?

—В Чайне, например, — сказала я наставительно, — их очень уважают. Правда, больше морские виды.

—Их что же, едят?! — позеленел бедный мистер Джоунс.

Как там в Писании? Кто роет другому яму, тот сам в нее попадет? Отец любил это повторять.

—Едят тоже, — согласилась я. — Не вижу принципиального отличия от улиток, которых так любят франки.

—Так то ж франки! Простите, мисс. Добрый альбионец такую гадость в рот не возьмет.

—Слизней очень ценят в медицине как укрепляющее и тонизирующее средство. — Я понизила голос и доверительно склонилась к садовнику. — Особенно джентльмены. Для настоек, мазей... по мужской части. Вы ведь понимаете?

Мистер Джоунс выпучил глаза, выдавил придушенно:

—Простите, мисс.

Бросил лист на землю и с наслаждением раздавил слизней сапогом.

Только три дня спустя Джоунс опомнился настолько, чтобы вновь попытаться выкурить меня из «Ив». В этот раз он не делал скидку на женскую чувствительность, а сразу зашел с козырей.

—Как чудесно у тебя пахнет! — заметила Роуз, заглянув в мою комнату по какой-то мелкой надобности.

—Еще бы, — хмыкнула я. — Мистер Джоунс расстарался. Взгляни-ка.

Я отдернула кружевную занавеску. На клумбе под окном бурно цвели и благоухали алис-сум, резеда и маттиола. Последняя, правда, пахла только вечерами.

—Ой, — всполошилась Роуз. — Сколько пчел! Закрывай скорей.

Я захлопнула окно и сказала весело:

—Надо поблагодарить мистера Джоунса за дивный запах, как думаешь? И заодно намекнуть ему, что я не боюсь пчел. Они меня не кусают.

Чистая правда. Пчелы, комары и прочий гнус меня избегали. В тропиках это очень пригодились.

Роуз широко распахнула глаза и прыснула.

—Тетя Мэри!

—Что, дорогая? — Я улыбнулась. — Интересно, что будет следующим?

Следующей была компостная куча в саду неподалеку от моей комнаты. С этим справились кухарка, которая тотчас принялась распекал садовника за вонючую яму рядом с домом. Чего доброго, крысы заведутся!

—Мистер Джоунс, я вас не узнаю! — выговаривала она. — Вы как будто ума лишились. Чем вам, скажите пожалуйста, так досадила мисс Райт? Такая приятная леди!

Садовник угрюмо молчал, комкая в руках грубые рукавицы. Выглядел он каким-то скобоченным, морщился, словно от боли, и потирал поясницу.

Я постояла с минуту и тихонько прокралась в свою комнату. Вернулась как раз к окончанию воспитательной беседы.

—Возьмите, мистер Джоунс. — Я протянула ему пузырек. — Это настойка с перцем и чабрецом, натирайте больное место перед сном.

Я встретила взглядом с его мутными от боли глазами.

Ваш ход, мистер Джоунс. Примете руку дружбы?

—Спасибо, мисс Райт, — пробурчал он, пряча взгляд, и добавил с натугой: — Я... очень ценю, вот.

—Пожалуйста, — улыбнулась я, мысленно потирая руки.

Могу поспорить: готов!

И впрямь, вылечив с моей помощью свой прострел, мистер Джоунс стал кротким, как овечка. Разговаривал почтительно и бросался выполнять любой приказ.

Леди Присцилла посмеивалась.

—Не ведьма ли вы, моя милая?

—Разве что по характеру, — отвечала я, улыбаясь.

Вечерами мы с ней повадились играть в криббедж. Роуз к картам не прикасалась, так что тихая игра для двоих оказалась кстати.

Зато леди Присцилла оказалась азартна.

—Милая моя, — сказала она, когда мы впервые сели за игорный стол, — на что будем играть? Согласитесь, без ставок скучно.

—Боюсь, — я потеряла переносицу и отодвинула колоду, — мне не по средствам играть на деньги.

—Глупости! — отрезала леди Присцилла, принимаясь тасовать. Пальцы у нее оказались ловкие, хоть и узловатые. Карты в них так и мелькали. — Об этом не может быть и речи. Как вы смотрите на... шоколад?

Рот у меня наполнился слюной. Шоколад был из прошлых, хороших времен.

Леди Присцилла позвонила и велела горничной принести коробку из спальни. Конфеты оказались дорогими, из лучшей столичной кондитерской, в гладкой деревянной коробочке, перевязанной шелковой лентой.

—Обожаю сладости, — созналась старая леди, понизив голос. — Хотя доктор меня за них ругает.

Поэтому леди Присцилла лакомится шоколадом тайком? Ну и ну.

—Пренебрегаете советами врача? — хмыкнула я.

—В моем возрасте маленькие радости важнее. — Она подмигнула. — Между нами говоря, моя милая, я вполне здорова, не считая обычных для стариков недугов. Три месяца назад у меня было воспаление легких, но теперь я полностью оправилась. Я не стала возражать против медсестры лишь потому, что наша милая Роуз меня развлекает.

—Мне нечего поставить взамен.

—Тут вполне хватит на двоих. — И она недрогнувшей рукой разделила конфеты на две горки в разноцветных фантиках.

Грех было от такого отказываться!

Первую же партию я выиграла.

—Хм, — сказала леди Присцилла, пододвигая мне конфету. — Будем считать, новичкам везет.

Однако я выиграла и вторую. И третью.

Леди Присцилла прикусила губу и увеличила ставку.

—На кону три конфеты! — провозгласила она торжественно. — Надеюсь разом отыгаться. Только не вздумайте поддаваться, моя милая.

—Что вы такое говорите, леди Присцилла, — пробормотала я, хотя как раз обдумывала, как бы половчее проиграть.

Не стоит лишать леди маленьких слабостей. Это может плохо кончиться!

Впрочем, поддаваться не пришлось. Леди Присцилла, уstraшенная перспективой столь крупного фиаско, играла с блеском. Поздним вечером мы разошлись, вполне довольные друг другом. А потом я ела в темноте шоколад и жмурилась от удовольствия...

Так и коротали мы вечера день за днем, целых две недели. Дни я проводила в саду, заглядывая в дом лишь на ленч. Подошло время высаживать рассаду из оранжереи, и мы с мистером Джоунсом трудились, не покладая рук. Яркие георгины, пророщенные гладиолусы, нежные лобелии, задорные астры — все это богатство должно было занять место на клумбах. Кроме того, следовало подкормить отцветшие тюльпаны, нарциссы и примулы, подвязать к опорам лилии, соорудить шпалеры для душистого горошка... Всего и не перечесать!

В первый же день садовник чуть не довел меня до сердечного приступа.

—Мистер Джоунс, это что же — вредительство? — спросила я, застав его на месте преступления с ведром в руке.

От мутноватого раствора знакомо пахло.

Скорее недомыслие, конечно. Как он только весь сад не загубил? Хотя леди Присцилла говорила, что Джоунс работает у нее только несколько месяцев.

Садовник заморгал.

—Не понимаю, мисс. Отличный навоз, я сам отбирал! К миссис Пейтсли, значит, ходил. У нее хорошие коровки, и удобрение дают преотличное.

—Мистер Джоунс, — вздохнула я. Боже, дай мне сил! — Прощу вас, никогда... Вы слышите меня? Никогда не подкармливайте луковичные свежим навозом!

—Но другим-то цветам ничего, нравится... Ладно-ладно, мисс. Я понял. Не надо так на меня смотреть!

И попятился, чуть не раздавив сапогом молоденькую розу.

Права была леди Присцилла. За ним нужен глаз да глаз!..

В последнюю пятницу мая леди Присцилла была в отличном настроении, нанося мне одно сокрушительное поражение за другим.

—Вы хорошо играете в бридж, моя милая? — заговорила она, любовно разглядывая свой выигрыш.

—Боюсь, нет.

—Жаль. — Старая леди нахмурилась и постучала пальцем по губам. — В субботу и воскресенье мы приглашены в гости к моей внучатой племяннице, большой любительнице бриджа. На праздник по случаю первого дня лета.

Я кивнула. В последнюю весеннюю ночь полагалось не спать до рассвета.

—Мы, леди Присцилла?

Она подняла брови.

—Разумеется! Вы ведь, как-никак, моя компаньонка. И нашей милой Роуз не помешает развеяться. Что думаете?

Роуз от восторга захлопала в ладоши. Тут же опомнилась и напустила на себя подобающий медсестре строгий вид. Какое же она еще, в сущности, дитя!

Внучатую племянницу леди Присциллы звали леди Хелен Хэлкетт-Хьюз. Это нелепое громоздкое имя она несла с гордостью. Впрочем, леди Хелен Хэлкетт-Хьюз (для краткости я решила называть ее леди ХХХ) была горда собой во всех отношениях. Своим древним и славным родом — ее отцу некогда принадлежали места окрест Дорсвуда. Своим домом — между нами говоря, аляповатой смесью барокко и готики. Своим садом, драгоценностями, мужем, сыном... Продолжать можно до бесконечности.

Леди ХХХ была твердо уверена, что она лучше всех. Разве что верноподданно уступала королеве.

Даже когда леди ХХХ хотела быть любезной, разговаривала она так, словно делала собеседнику величайшее одолжение.

—Дорогая тетя Присцилла. — Леди ХХХ цедила слова сквозь зубы, целуя родственницу в щеку. — Я так рада тебя видеть!

—Не сомневаюсь. — В глазах леди Присциллы светилась ирония. — Позволь представить тебе моих сопровождающих. Мисс Мэри Райт, моя компаньонка.

—Очень приятно, — кивнула я.

—Кхм. — Леди ХХХ вперила в меня взгляд. — Не из тех ли Райтов, которые проживали в коттедже... «Ласточки», кажется?

Зря, зря я сюда приехала!

Я постаралась взять себя в руки, даже улыбнулась.

—Увы, нет.

Роуз все испортила.

—«Дрозды», — подсказала она тихо и побледнела под уничижительным взглядом леди ХХХ.

—В мое время девушки не позволяли себе первыми заговаривать со старшими.

—Дорогая, — леди Присцилла покачала головой, отчего крупные бриллианты в ее ушах заискрились, — это было так давно...

Намек на возраст заставил леди ХХХ побледнеть от злости. Она была по-прежнему привлекательна, пусть даже было ей ближе к пятидесяти. Вот только спесивое выражение лица и взгляд свысока ее не красили.

—В юности я бывала в гостях у барона Мэлоуэна, владельца тех мест, — сообщила она надменно. — Вы ведь старшая из девочек викария Райта, верно?

—Увы, нет, — повторила я. — Я — средняя сестра.

—И впрямь. — Леди ХХХ поджала губы, подкрашенные темно-вишневой помадой. — Теперь я припоминаю. Старшая, кажется, Маргарет. Средняя Мэри, а младшая Люси?

—Именно так, — подтвердила я сдержанно. — Моя племянница, мисс Роуз Карпентер, дочь Маргарет. Роуз медсестра, сейчас она ухаживает за леди Присциллой.

—Вам, мисс Райт, следует получше воспитывать вашу племянницу. Иначе она пойдет по стопам вашей младшей сестры!

Роуз напряглась и залилась краской. Я незаметно сжала ее руку.

—Конечно, леди Хэлкетт-Хьюз.

Она надменно кивнула и отвернулась.

До чего неприятная особа!

Деваться было некуда. Положение служавшей обязывало меня всюду сопровождать леди Присциллу, если на то будет ее желание. Приходилось терпеть и улыбаться. Зато я могла наблюдать и комментировать про себя.

Компания у леди ХХХ собралась удивительно разномастная, так что рассматривать гостей было интересно.

Полковник Бартоломью Хьюз, супруг достойной леди, оказался здоровяком с мясистым красным лицом и глазами навывкате.

—Парламенту следовало бы хорошенько припугнуть этих разошедшихся сипаев! — гремел он, потрясая кулаком. — Грязные, вонючие туземцы...

Гостям волей-неволей приходилось умолкать.

—Полковник Хьюз — политик? — шепотом спросила я у леди Присциллы, которая усадила меня рядом с собой.

Как сказала сама леди Присцилла: «Две старые девы всегда найдут, о чем посплетничать. Ведь так, моя милая?»

—О нет, — так же тихо отвечала она. — Просто Барт любит разглагольствовать о вещах, в которых ничего не понимает.

Я кивнула и перевела взгляд на молодого человека, не сводившего глаз с Роуз. Высокий статный шатен лет двадцати — двадцати двух оказался сыном и наследником четы Хьюз. На первый взгляд — мечта любой леди от семнадцати до тридцати. Но чуть заметные мешки под глазами, легкая краснота носа, капризный изгиб губ и дрожание пальцев выдавали беспутный образ жизни.

Зато другой джентльмен, знакомством с которым леди Хэлкетт-Хьюз весьма гордилась, был полной его противоположностью. Каштановые кудри Родерика Хьюза — против коротко стриженных, прямых и светлых, как солома, волос Арнольда Фаулера. Голубые глаза навывкате — против неожиданно темно-зеленых, глубоко посаженных. Изнеженная капризная миловидность — против чеканных мужественных черт. К тому же никто не назвал бы профессора Фаулера бездельником. Знаменитый исследователь холмов фэйри, который прославился своей удачливостью. Мистер Фаулер хмурился, глядя в свой блокнот, и время от времени что-то туда записывал.

Рядом с Арнольдом Фаулером откровенно позевывала красавица-блондинка в алом, слишком открытом для такого общества платье. Леона Фаулер, восходящая кинозвезда, которая снялась в нашумевшем фильме «Любовь и фэйри». У нее были такие же зеленые, как у брата, глаза, безупречная персиковая кожа и манеры утомленной славой актрисы.

Недавно я видела мисс Фаулер в столичном универмаге, где она произвела фурор. Кажется, все продавцы сбежались, чтобы ее обслужить. За ней следовали горничная и води-

тель, доверху загруженные пакетами и свертками. Чего там только не было, от чулок до детских игрушек!

И снова, как на заказ, ее полный антипод. Сибил Бредфорд давно переступила сорокалетний рубеж, но это последнее, о чем бы вы подумали, глядя на нее. Треугольное кошачье лицо, иссиня-черные волосы, разноцветные глаза — один карий, другой голубой, порочный рот и текущие плавные жесты — все в ней приковывало взгляд. Жажда жизни и ее удовольствий была из Сибил Бредфорд ключом.

Леди Бредфорд явно положила глаз на Чарльза Гилмора, которому принадлежало большое поместье по соседству с Хьюзами. Пожалуй, мистер Гилмор был не менее экзотичен, на свой лад. Черноглазый смуглый брюнет делал все, чтобы его считали оригиналом. Одет он был в расшитый золотом сюртук, а на голове носил тюрбан, сколотый булавкой с огромным рубином. Белые перчатки, трость с навершием в виде ворона и бриллиантовая серьга в ухе довершали образ.

—Самый завидный холостяк в округе, — громким шепотом сообщила леди Присцилла. — Хотя ему почти сорок.

Мистер Гилмор услышал. Резко обернулся и вперил в меня пронзительные черные глаза. Я бы покраснела, не разучись я краснеть еще двадцать лет назад. Вместо этого я перевела взгляд на его спутника, которого мистер Гилмор представил как инспектора Этана Баррета, своего друга и однокашника по университету.

—Как? — вскричала при знакомстве леди ХХХ. — Разве полицейские учатся в университетах?

—Случается, — отвечал ей инспектор Баррет, и глазом не моргнув.

На редкость флегматичный тип. И снова — контраст. Рядом с вызывающе ярким Гилмором его друг, инспектор Баррет, словно терялся. Сероглазый шатен, не слишком высокий, не слишком низкий, не худой, не полный, не развязный, не бука... И еще много всяких «не». Инспектор казался заурядным до полной потери индивидуальности. А потом вы натыкались на его насмешливый острый взгляд и кривоватую улыбку. Маску посредственности инспектор Баррет носил с блеском.

Зато следующие гости заурядными были, а не казались. Брат и сестра Миллер. Джеймс Миллер, викарий, на окружающих взирал кроткими голубыми глазами за стеклами очков, а его длинноватое, хотя и приятное лицо выражало бесконечную доброту. Викарию было лет пятьдесят, и он до сих пор не обзавелся женой. Хозяйство вела его незамужняя сестра, мисс Рут Миллер, которая была намного младше брата, лет тридцати пяти от силы. Очень худая, с непреклонно сжатыми губами, квадратным подбородком и размашистым шагом, она носила нелепую прилизанную прическу и старенькое вечернее платье, явно не раз перешитое и перекрашенное.

Последним, четырнадцатым, в нашей компании оказался рыжеволосый мужчина лет тридцати, веснушчатый и слегка нескладный. Доктор Пэйн, так его представила хозяйка. Доктору, кажется, общество не доставляло удовольствия, а вечерний костюм раздражал. Мистер Пэйн то и дело поправлял галстук и одергивал манжеты.

Пока я разглядывала гостей, обстановка накалилась.

На очередной пассаж полковника Хьюза «Этих грязных дикарей давно следовало бы загнать в резервации!» негромко ответил Чарльз Гилмор:

—Но ведь это их земля.

Низкий голос мистера Гилмора подействовал на полковника Хьюза, как апшеркот. Он встрепенулся, выпучил глаза, нелепо дернул головой — и пророкотал:

—Слава альбионской короны!..

—Вряд ли короне принесет славу проигранная война, — заметил профессор Фаулер, отрываясь от своих записей.

—Проигранная?! — еще сильнее побагровел полковник Хьюз и загремел: — Славные альбионские воины сметут грязных дикарей за две недели! Это я вам говорю!

—Ну, если *вы*так говорите... — пробормотал мистер Гилмор с сарказмом.

—Вы ведь не бывали в Хиндустане, полковник Хьюз? — вновь вмешался профессор. — Могу вас заверить, тамошние жители обращаются с оружием, как настоящие дьяволы. Простите, леди.

Леди его простили.

Леона Фаулер прикрыла зевотой рот и отвернулась. Зато леди Бредфорд следила за разгорающейся перепалкой с видимым удовольствием. Как, кстати, и леди Присцилла. Леди ХХХ поджимала губы и гневно раздувала ноздри, хотя ее молчаливое негодование самым преступным образом игнорировали. Роуз переглядывалась с молодым Хьюзом. Сестра викария разглядывала свой носовой платок с таким видом, будто на нем были вышиты библейские заповеди (а может, и были?).

Доктор Пэйн и инспектор Баррет в беседу не вмешивались. У доктора было такое лицо, словно у него мучительно болели зубы. Зато инспектор иронически улыбался, как будто этот спор его чем-то забавлял.

—Истинная вера! Отечество! — гремел полковник Хьюз.

—Вы что-то путаете, полковник, — тонко улыбнулся мистер Гилмор, блеснув рубином в тюрбане. — Наше отечество тут, в Альбионе. Какое отношение к нему имеет Хиндустан?

—Империя! — выкрикнул полковник Хьюз и ударил кулаком по подлокотнику.

—К слову, верования коренных народов Хиндустана весьма интересны. — Это вновь профессор. — Выдвигаются даже версии, что на самом деле фэйри не скрылись в своих холмах, откуда перешли в другой мир, а нашли прибежище в заморских землях. Стали, так сказать, их богами.

—Грязные, презренные божки!

—Джентльмены, прошу вас, успокойтесь, — попытался урезонить их кроткий викарий, блестя стеклами очков.

—Джентльмены. — Ледяной голос хозяйки дома подействовал на спорщиков, как холодная вода на дерущихся кошек. — Полагаю, нам следует сменить тему.

Полковник Хьюз сглотнул, пробормотал:

—Да, дорогая.

И украдкой ослабил галстук.

Мистер Гилмор с улыбкой развел руками, а профессор Фаулер, что-то проворчав, вернулся к своим записям.

—Мистер Гилмор, — проворковала леди Бредфорд, прищурив разноцветные глаза. — А в ваших жилах, часом, не течет туземная кровь?

—Сибил! — прошипела леди ХХХ.

—Да, дорогая? — Голос Сибил Бредфорд был мягок, а лицо — безмятежно. — Это всего лишь любопытство.

—Вы правы, — ответил мистер Гилмор, иронически вздернув бровь. — Моя бабушка была хиндустанской принцессой.

—Принцессой! — повторил полковник Хьюз с отвращением.

—Мистер Гилмор, — вмешалась леди ХХХ, одним взглядом осадив мужа, — вы будете участвовать в конкурсе садоводов? Я слышала, ваш дворецкий вырастил дивные розы.

—О господи! — Леона Фаулер отвернулась и закатила глаза. — Какая скука!

Леди ХХХ поджала губы и метнула в ее сторону гневный взгляд, который та проигнорировала.

—Что вы, леди Хэлкетт-Хьюз, — галантно отвечал мистер Гилмор. — Как я могу с вами соперничать? Должен сказать, у вас восхитительный душистый горошек. Такие крупные соцветия, такие разнообразные оттенки. Просто водопад цветов.

Леди ХХХ даже немного порозовела, ненадолго сделавшись похожей на живого человека, а не на мраморную статую.

—Благодарю вас. Между нами говоря, из столицы мне прислали удивительные семена. Даже горошек тети Присциллы с моим не сравнится! Магическая обработка многое дает, сами понимаете...

—Это нечестно! — восторженно воскликнул вдруг викарий. Под устремившимися на него взглядами он густо покраснел и пробормотал, запинаясь: — То есть я хочу сказать, это местный конкурс. Цветы выращены силами жителей Дорсвуда и...

—Вы не считаете меня жительницей Дорсвуда, викарий? — холодно поинтересовалась леди ХХХ.

—Что вы, — совсем смешался бедняга. — Но ведь не у всех есть возможность!..

Она рассмеялась неприятным злым смехом.

—Вы заделались социалистом, дорогой мой? Так или иначе, сажать любые сорта правилами не возбраняется.

—Но! — Викарий осекся, и сестра положила руку ему на плечо.

Сказала вполголоса:

—Джеймс, успокойся. Не стоит затевать спор.

—Конечно, Рут. — Он похлопал ее по ладони. — Извините, леди Хэлкетт-Хьюз.

Леди ХХХ надменно кивнула и отвернулась.

Деревенские жители в эту ночь жгли костры и плясали до рассвета. Но в доме леди Хэлкетт-Хьюз, разумеется, не было места таким плебейским развлечениям. Вечер начался с чинного обеда. За столом говорили исключительно о погоде, немного о театре и книгах. Впрочем, компания подобралась столь разномастная, что даже такие невинные темы вызвали живейшие споры.

—Детективы — ерунда! — горячился доктор Пэйн, экспрессивно размахивая вилкой. — Вот, например, в новой книге сэра Кристиана Агата жертву травят цианистым калием в конфетах. Но ведь глюкоза... а проще говоря, сладкое, нейтрализует действие цианида!

—Полностью? — так живо интересовался мистер Гилмор, словно как раз прикидывал, как бы половчее кого-нибудь отравить. — Я имею в виду, нейтрализуется полностью или частично?

—Какая разница? — Актриса даже позабыла о роли скучающей звезды. — Существует ведь художественное преувеличение. Главное, чтобы книга была увлекательной.

—А давайте спросим мнение специалиста? — предложил профессор, улыбаясь. — Инспектор Баррет, что вы думаете о детективах?

Леди ХХХ не дала инспектору и рта раскрыть.

—Не будем поднимать за столом столь неаппетитные темы!

Доктор густо покраснел, отчего его рыжая макушка словно вспыхнула огнем, а остальные гости послушно уткнулись взглядами в тарелки. Только викарий — храбрый малый — кашлянул и завел речь о благотворительном концерте для сбора пожертвований на ремонт церковной крыши.

—Мы непременно будем, — заверила его леди Присцилла то ли из жалости, то ли в пику леди ХХХ, которая эту идею не поддержала.

—Согласитесь, викарий, — снисходительно вещала леди ХХХ, — ваши подопечные из церковного хора поют просто ужасно. А рояль! Он так фальшивит, что у меня начинают болеть зубы.

—Думаю, — насмешливый голос Чарльза Гилмора нарушил напряженную тишину, — я преподнесу новый рояль в дар приходу. Как вы на это смотрите, викарий?

—Благодарю вас! — Кажется, священник от избытка чувств даже прослезился. — Вы очень добры, мистер Гилмор.

Тот лишь усмехнулся, отмахиваясь от благодарностей.

—Не стоит. Принимать участие в церковных делах — это наш долг. Глядишь, и спишется пара-тройка грехов. Правда, викарий?

На щеках леди ХХХ вспыхнули алые пятна.

—А я считаю, — громко заявил полковник Хьюз, — что подачки только приучают низшие классы к праздности!

В семействе Хьюз дела с тактом обстояли не лучшим образом.

—Не путайте подачки с милосердием, дорогой мой полковник, — парировал мистер Гилмор, усмехнувшись.

Надеюсь, до конца вечера никто не подерется...

Положение спас профессор Фаулер, принявшись вспоминать о своих экспедициях. Все с облегчением ухватились за безопасную тему, тем более что рассказчиком профессор оказался превосходным. Так что дальше беседа потекла легко и спокойно, даже сестра профессора несколько оживилась. Оказывается, в отрочестве мисс Фаулер путешествовала с братом, так что смогла припомнить несколько забавных историй.

После обеда вся компания вышла в сад. В каменных чашах уже разожгли огонь, который предстояло поддерживать до рассвета. На деревьях развесили бумажные фонарики, на лужайке расставили легкие кресла, а поодаль расположили шатер с алкоголем и закусками. Гости немедленно разбились на группки, тут и там слышались оживленные разговоры и смех.

Леди Присцилла дремала под деревом, так что мы с Роуз были предоставлены самим себе. Поначалу Роуз намеревалась героически скучать рядом со своей старой теткой, но вскоре чинные прогулки по дорожкам молодежи наскучили, и Родерик Хьюз затеял танцы. Из дома был принесен патефон, и на лужайке закружились первые пары.

—Позвольте вас пригласить, мисс Карпентер, — чинно произнес младший Хьюз, слегка поклонившись и протягивая руку.

—О... — Роуз растерянно оглянулась на меня. — Но тетя Мэри...

Очевидно было, что ей смертельно хочется танцевать. И, увы, танцевать с этим молодым нахалом. Даже если я на всю ночь прикую Роуз к своей юбке, ничего хорошего из этого не выйдет.

—Дорогая, я без тебя не пропаду, — заверила я, слегка подтолкнув ее в спину. — Повеселись хорошенько.

—Спасибо, тетя! — просияла Роуз и убежала.

Я проводила парочку хмурым взглядом. Не лучший выбор для Роуз, хотя вряд ли она меня послушает. И вдруг заметила Чарльза Гилмора, который направлялся ко мне с таким видом, будто вознамерился пригласить на танец. Только этого не хватало!

Ускользнула я легко. Несколько шагов в сторону, и я скрылась за палаткой с импровизированным буфетом.

И невольно подслушала разговор.

—Родерик глаз с нее не сводит, — жаловалась леди ХХХ. — Посмотри, как бесстыдно она к нему льнет.

—Ты сама виновата. — Этот воркующий голос нельзя было не узнать. — Зачем ты ее пригласила?

—Тетя Присцилла настояла! — прошипела леди ХХХ.

—Странно, не находишь? Ладно компаньонка, но медсестра... Дорогая, тебе не следовало идти на поводу у тети.

— Не могла же я усадить за стол тринадцать человек! Не говоря уж о том, что леди и джентльменов должно быть поровну.

— Хелен, дорогая, — мелодично рассмеялась леди Бредфорд. — Не думала, что ты придерживаешься этих нелепых устаревших правил.

— Сибил, дорогая, — в тон ей ответила леди ХХХ, — не всем ведь наплевать на правила, как тебе.

Леди Бредфорд промолчала.

Так-так. Кажется, тут кроется какая-то тайна. Хотя что мне до нее?

— Я постараюсь отвлечь эту мисс Карпентер, — пообещала леди Бредфорд наконец.

— А я тем временем поговорю с моим мальчиком, — решительно заключила леди ХХХ. И они разошлись в разные стороны...

Мой наблюдательный пункт оказался выше всяких похвал. Именно сюда леди ХХХ при- тащила отпрыска для вразумления. Или он сам решил промочить пересохшее горло? Хотя вряд ли. Молодой Хьюз шел с таким видом, будто делал матери величайшее одолжение, а она ему мягко выговаривала:

— Скажи, дорогой мой, о чем ты думал, когда порекомендовал эту... эту особу тете Присцилле?

— Мама, ну перестань! — отвечал он утомленно. — Мисс Карпентер опытная и компетентная медсестра.

— Только-только окончившая курсы? — возразила она язвительно. — Я навела о ней справки. Медсестра она без году неделя, ее даже сестрой Карпентер никто не называет! Дорогой, перестань морочить мне голову. Ты пригласил ее сюда, чтобы удобнее было крутить романы?

— Мама, что за выражения!

— Просто признай это.

— Ну хорошо. Эта девушка в моем вкусе, и у нас роман. Довольна? И будь добра, не порти нам вечер!

Он вырвался и ушел, а леди ХХХ еще долго, хмурясь, смотрела ему вслед...

Я привыкла рано вставать, так что проснулась в половине десятого. А легла ведь на рас- свете! Повертелась с боку на бок, но больше не задремала. Пришлось вставать.

Спать хотелось невероятно. Я умылась холодной водой — не очень-то мне это помогло — и посмотрела в зеркало на свое помятое лицо. А ведь еще десять лет назад я могла не смыкать глаз ночь напролет и при этом чувствовать себя свеженькой, как огурчик! Старею...

Эта мысль моего настроения не улучшила, так что к завтраку («С десяти до двенадцати, мои дорогие!» — как вчера сообщила леди ХХХ) я спустилась безо всякого аппетита.

В столовой, к моей тайной досаде, обнаружились и другие ранние пташки.

— Доброе утро, леди... Хэлкетт-Хьюз.

Чуть не сболтнула «ХХХ». Это все недосып!

Манерно оттопырив мизинчик, она держала в руке крошечную чашку. Несмотря на ран- ний час, одета и причесана леди ХХХ была очень тщательно.

— Доброе, милочка, — кисло ответила она и отвернулась, возвращаясь к прерванной беседе с профессором Фаулером, на внешности которого бессонная ночь никак не сказалась.

— Доброе утро. — Профессор кивнул мне и принялся мягким баритоном рассказывать очередную байку.

Увы, я была не в том состоянии, чтобы оценить его тонкий юмор. Хотелось лечь и закрыть глаза. Быть может, кофе поправит дело?..

Опустошив вторую чашку, я проснулась достаточно, чтобы захотеть есть. К этому моменту профессор уже ушел, но народу в столовой прибавилось. Подтянулись викарий Мил-

лер с сестрой и, к моему удивлению, леди Сибил. Никогда бы не подумала, что она ранняя пташка!

Поздоровавшись со всеми, я подошла к буфету, уставленному блюдами под серебряными крышками. Гости должны были сами себя обслуживать.

Леди ХХХ как раз вознамерилась перейти от пищи умственной — то есть познавательного разговора с профессором — к пище телесной и щедрой рукой накладывала всем овсянку на воде. Кашу можно было сдобрить на свой вкус сливками, маслом, вареньем, медом или ягодами.

Я попятилась, чтобы не попасть под раздачу, но карающая рука хозяйки дома меня настигла.

—Возьмите, милочка, — снизошла ко мне леди ХХХ, буквально впихивая мне тарелку.

—Спасибо, я лучше возьму яичницу с беконом.

Леди ХХХ отступать не привыкла.

—Ерунда! По утрам нет ничего лучше овсянки. Она зарядит вас бодростью на целый день.

По мне, так, скорее, агрессией. Спорить, впрочем, я не стала. Отошла в сторонку и спряталась за большой пальмой в кадке.

Леди ХХХ на этом не остановилась и одарила мерзкой кашей всех собравшихся. Повезло профессору, что успел сбежать!

Викарий с постным видом перекрестил тарелки и завел молитву. «Благослови, Господи, пищу сию...» И далее в этом роде. Все покорно внимали. Леди ХХХ и сестра викария прикрыли глаза и шевелили губами, беззвучно повторяя слова. Я отвернулась. Терпеть не могу показную набожность!

Даже приправленная молитвой, овсянка вкуснее не стала. Поковырявшись в ней для вида, я бродила по столовой с тарелкой в руке — как благоразумные леди весь вечер цедают один-единственный бокал шампанского.

На мое счастье, в комнату заглянул лакей.

—Простите, миледи, требуется ваше присутствие.

—Ну, что еще? — раздраженно спросила леди ХХХ и принужденно улыбнулась гостям.
— Прошу прощения...

Она поставила свою тарелку на столик и вышла. Я же поймала за руку лакея и всучила ему свою овсянку, вполголоса потребовав:

—Унесите это!

—Да, мисс.

Лакей задрал нос и, держа тарелку на вытянутой руке, словно ночной горшок, отбыл.

Остальные гости смотрели на меня с плохо скрываемой завистью.

Я улыбнулась им, поскорее наложила себе полную тарелку сосисок и яичницы и на всякий случай спряталась за облюбованную пальму.

Только-только я успела попробовать сосиски — кстати, просто изумительные — как за моей спиной восхитились:

—Потрясающий аппетит для столь хрупкой леди.

Я едва не подавилась.

—Боюсь, вас ввели в заблуждение, мистер Гилмор, — ответила я, прожевав. Надо же, не заметила, как он вошел. — Я всего лишь компаньонка леди Присциллы.

—Я знаю, — кивнул он и отпил кофе. — Однако от этого вы не перестаете быть леди.

Гладко выбритый, в простом светлом костюме и без тюрбана, он мигом растерял большую часть своей экзотичности. Хотя в его черных глазах было что-то завораживающее.

—Как сказать, — пожала плечами я. Леди ХХХ с ее снисходительным «милочка» ровней нас явно не считала. — В любом случае, я не принадлежу к вашему кругу.

Мистер Гилмор понимать намеки не пожелал.

—По-моему, — он доверительно склонился ко мне, — вчера вы наблюдали за всеми нами и насмехались.

Я даже не потрудилась сделать возмущенный вид. Сказала рассеянно:

—Неужели?

И вонзила вилку в очередную сосиску. Возможность спокойно поесть была для меня куда ценнее мнения мистера Гилмора. И, уж если на то пошло, ценнее мнения всех гостей, исключая разве что Роуз.

—Уверен, вы нас ни во что не ставите, — хмыкнул он.

—Вам кажется.

Станный разговор прервало появление леди ХХХ. Мистер Гилмор вынужден был засвидетельствовать хозяйке дома свое почтение, а я торопливо дожевала и вознамерилась сбежать.

Не тут-то было. В столовую тихонько проскользнула сияющая Роуз, которой бессонная ночь была нипочем.

—Здравствуй, тетя Мэри!

—Доброе утро, дорогая. — Я поцеловала ее в щеку и вздохнула про себя.

Леди ХХХ демонстративно отвернулась, зато леди Сибил посмотрела в нашу сторону, что-то негромко сказала и рассмеялась.

Роуз чуть побледнела.

Пришлось остаться. Не могла же я бросить племянницу на растерзание! Роуз и без того пришлось несладко. Гарпии, которые по странному капризу судьбы считались леди, вполголоса перемывали ей косточки. Леди ХХХ так увлеклась, что к своей овсянке до сих пор не прикоснулась.

Быть может, подойти к ним? Осмелятся ли они поливать Роуз грязью при мне?

—Тетя, не надо, — попросила она очень тихо, коснувшись моей руки. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

Я лишь кивнула. И сказала — не слишком громко, но так, чтобы леди ХХХ расслышала:

—Дорогая, будь добра, принеси мне шаль. Хочу при свете дня взглянуть на хваленый горошек леди Хэлкетт-Хьюз.

—Думаешь, он стоит прогулки, тетя? — Улыбка Роуз была почти естественной.

—Сомневаюсь, но случаются в жизни неожиданности.

И отвернулась, пока возмущенная леди ХХХ хватала воздух ртом.

Роуз, виновато мне улыбнувшись, выскользнула из столовой. Следом откланялись викарий с сестрой.

Почти тут же появились полковник Хьюз с сыном и леди Присцилла. Леди ХХХ отпустила еще несколько колкостей в наш адрес, но леди Присцилла ее осадила.

—Решительно не понимаю, Хелен, что тебе не нравится в этой девушке, — заметила она, попивая кофе. — Мисс Карпентер — милая девочка, компетентная и исполнительная. А также молодая и очень красивая. Правда, милый Родди?

—Да-да, тетя Присцилла, — натянуто улыбнулся он. — Я нахожу мисс Карпентер очаровательной.

И с вызовом посмотрел на вытянувшееся лицо матери.

—Я желаю мисс Карпентер только добра, — поджала губы леди ХХХ. — В конце концов, она впервые оказалась в избранном обществе и должна ему соответствовать!

—С каких это пор тебя, Хелен, волнует какая-то медсестра? — поинтересовалась леди Присцилла иронично.

Полковник Хьюз сосредоточенно жевал, а леди Сибил смотрела на заклую подругу с плохо скрываемой насмешкой.

Не найдя поддержки, леди ХХХ поджала губы и взялась за ложку. Проглотила немного овсянки, сказала с досадой:

—Остыла!

—Позволь, я за тобой поухаживаю, — с готовностью предложил полковник Хьюз.

Леди ХХХ кивнула... и вдруг, захрипев, схватилась за грудь.

Тарелка выскользнула из ее рук, овсянка уродливыми кляксами запятнала ковер.

Лицо леди ХХХ побагровело, глаза выпучились, изо рта вырывалось странное сипение.

—Нет! Нет! — закричала она, глядя в одну точку, и повалилась на ковер.

—Мама! — Родерик Хьюз упал рядом с ней на колени.

Полковник Хьюз подавился и натужно закашлялся.

Леди Сибил, разом лишившись своей томности, прижала руку к губам и сильно побледнела. Только мистер Гилмор и леди Присцилла сохранили присутствие духа.

—Позволь я взгляну. — Леди Присцилла с неожиданной силой отстранила племянника и взяла леди ХХХ за руку.

А мистер Гилмор сообщил негромко:

—Я позову доктора Пэйна.

Я же, оцепенев, смотрела, как на губах леди ХХХ пузырится радужная пена. Словно леди проглотила кусок мыла и теперь давится пузырями. Не может быть!..

Она забилась в удерживающих ее руках, но быстро затихла. Только лицо стало совсем темным, страшным.

Доктор примчался почти сразу. Очевидно, мистер Гилмор поймал его на пути к столовой. Громко хлопнула дверь, доктор присел на корточки, заглянул в глаза леди ХХХ, прижал пальцы к ее шее.

Мгновения, как удары сердца.

Он поднял голову. На бледном лице доктора веснушки походили на брызги грязи.

—Все кончено, она мертва. Нужно вызвать полицию.

Глава 2

— Полицию?! — В лице Родерика Хьюза не было ни кровинки. — С какой стати — полицию? Что вы несете?!

— Боюсь, это был яд, — ответил доктор тихо, но твердо.

Леди Сибил вздрогнула, взгляд ее панически заметался. Леди Присцилла, напротив, прищурилась.

— Что за ерунда! — басил полковник Хьюз, потрясая вилкой, словно мечом. — Банальное пищевое отравление...

— Ни одно пищевое отравление не вызывает почти мгновенную смерть, — сухо ответил доктор, поднимаясь и отряхивая брюки.

Хьюзы — старший и младший — растерянно переглянулись.

— Сердце? — кашлянув, предположил Родерик.

Бедная, бедная леди ХХХ! Мне вдруг стало ее жаль. Она еще не успела остыть, а муж и сын уже думают лишь о том, как замять скандал.

— Поверьте моему опыту, — доктор чуть повысил голос, — это не сердечный приступ.

— «Пыльца фэйри», — тяжело проронила леди Присцилла, растирая виски. — Ведь так, доктор?

— Раз вы сами догадались, не стану отрицать. Возможно, конечно, что она сама приняла яд...

— Вы что, намекаете, что моя жена могла бы!.. — схватился за грудь полковник Хьюз.

— Несчастный случай? — предположил Родерик Хьюз с надеждой.

— Глупости! — рассердилась леди Присцилла. — Я смотрела на бедную Хелен, когда она это съела. Она ничего не подсыпала в тарелку, могу в этом поклясться.

— Вы готовы повторить свои слова перед судом, леди Присцилла? — Инспектор Баррет стоял на пороге, склонив голову к плечу.

Старая леди с легкостью выдержала его взгляд.

— Хоть перед самым Господом.

— Могу подтвердить, — подал голос мистер Гилмор. — Разве что она добавила яд заблаговременно.

— В тарелку? — Инспектор покачал головой. — Сомнительно. Возможно, яд был в общем блюде?

— Исключается. Мы все ели овсянку. — Мистер Гилмор кивком указал на стопку грязных тарелок. — Кроме разве что полковника Хьюза, который предпочел тушеные почки и фасоль.

И меня, хотя я не торопилась в этом сознаваться.

— Я собираюсь на охоту! — Полковник Хьюз пригладил волосы. — Кролики расплодись. Поэтому решил позавтракать поплотнее.

— Понятно, — рассеянно откликнулся инспектор, зачем-то понюхал остатки в общем блюде, хмыкнул и заключил: — Есть основания считать, что речь идет об убийстве.

Родерик шепотом выругался, а полковник Хьюз поморщился.

— Проклятая ищейка! — пробормотал он таким тоном, чтобы полицейский расслышал. Я даже головой покачала. Злить полицию — не лучшая идея.

И куда, хотела бы я знать, запропастилась Роуз? Лучше бы ей, конечно, этого не видеть, но столь долгое ее отсутствие заставляло меня тревожиться.

Инспектор Баррет кивнул и закрыл за собой дверь.

— Что скажете, доктор?

Ступал он мягко, почти бесшумно. Совсем не похоже на всегда грохочущих сапогами констеблей.

— Точный диагноз будет известен после вскрытия. — Доктор Пэйн нахмурился.

— Вскрытия?! — охнул полковник Хьюз, но на него не обратили внимания.

— Однако могу поручиться: речь о большой дозе «пыльцы фэйри», — закончил доктор, понизив голос.

— Я так понимаю, все присутствующие в курсе, о чем речь? — Инспектор обвел взглядом обступивших его людей.

Полковник Хьюз подергал воротничок, словно тот стал его душить, и проямил:

— Ну, более или менее...

Вся его громогласная уверенность куда-то испарилась.

Леди Присцилла поморщилась.

— Бросьте, дорогой инспектор. Это ничего не доказывает. Все мы вполне можем знать, что это за дрянь... Помолчи, прошу тебя, Родерик! Но это ведь не делает нас убийцами.

— Не делает, — согласился инспектор, бросив взгляд на темное перекошенное лицо леди ХХХ. — Пожалуй, ее можно накрыть. Чарльз?

Мистер Гилмор кивнул, сдернул скатерть со стола и осторожно прикрыл тело.

Всем стало не по себе. Леди Сибил прижала руку ко рту и отвела взгляд. Полковник Хьюз смотрел исподлбья, леди Присцилла отвернулась, а Родерик Хьюз нервно поигрывал цепочкой часов. У меня, сознаюсь, комок подступил к горлу. Только мистер Гилмор и инспектор Баррет сохраняли каменное спокойствие. Последний, разумеется, в силу профессии.

— Я послал за местной полицией, — нарушил неловкое молчание инспектор.

— За беднягой Греггсоном? — фыркнула леди Присцилла, обмахиваясь ладонью. — Бросьте, инспектор. Нашему констеблю такое дело не по зубам.

— Послали? По какому праву вы распоряжаетесь в моем доме? — побагровел полковник Хьюз.

— С вашего позволения, полковник, — ответил инспектор очень вежливо, — в доме убитой. Сейчас только это имеет значение.

— Тем более что тебе, мой друг, — Чарльз положил руку ему на плечо, — так или иначе придется этим заняться. Местная полиция наверняка позовет на помощь Ярд.

— Скорее всего, — согласился инспектор Баррет, не выказывая радости от такой перспективы. — И расследование поручат мне, раз уж я все равно тут. Так что, леди и джентльмены, прошу вас разойтись по своим комнатам и не покидать их, пока я с вами не побеседую.

— Мы что же, под подозрением? — Лицо полковника Хьюза, и без того багровое, стало похоже на перезрелый помидор.

Инспектор устремил на него безмятежный взгляд.

— Разумеется. Напоминаю, что совершено тяжкое преступление. И вы, как муж убитой, должны быть более других заинтересованы в установлении истины.

Мягкий укор заставил полковника Хьюза возмутиться.

— Но!..

— Покуда я не могу снять подозрения ни с кого из тех, кто имел возможность подсыпать яд. Кто-нибудь может сказать, в какой момент леди Хэлкетт-Хьюз взяла тарелку и кто к ней приближался?

— Насколько я помню, — начала леди Присцилла с сомнением, — когда мы с Бартоломью и Родди пришли, овсянка уже была в тарелке Хелен.

Мистер Гилмор выступил вперед.

— Тарелка оставалась на столе, когда леди Хэлкетт-Хьюз выходила.

— Точно! — выкрикнул полковник Хьюз. — Хелен еще жаловалась, что каша совершенно остыла.

Инспектор пожевал губами.

— Кто-нибудь находился в столовой все это время? — Он обвел взглядом присутствующих.

— Я, — созналась я, кашлянув.

Какой смысл упираться? Рано или поздно он это выяснит.

— Отлично. — Инспектор чуть заметно улыбнулся. — Постарайтесь сосредоточиться, мисс Райт, и скажите нам, кто из гостей имел — разумеется, я рассуждаю чисто теоретически! — возможность что-то добавить в тарелку леди Хэлкетт-Хьюз?

— Теоретически — любой из гостей и членов семьи, — ответила я не задумываясь. — Кроме тех, кто не спускался к завтраку. То есть вас, доктора Пэйна и Леоны Фаулер.

Было бы глупо заверять его, что ни я, ни Роуз этого не делали.

— Да что вы себе!.. — начал полковник Хьюз гневно и поперхнулся.

— Ах, да. — Я кое-что припомнила. — Профессор Фаулер ушел раньше. Следовательно, у него тоже... имеется алиби? Так говорят?

— Именно, — кивнул инспектор. — Благодарю, мисс Райт. Как видите, пока я не могу исключить никого из вас.

— Абсурд! — трубным голосом заявил полковник Хьюз.

Леди Сибил терла виски, а Родерик Хьюз морщился.

— Не думаете же вы, что один из нас...

— Слишком рано делать выводы, мистер Хьюз, — заметил инспектор любезным тоном. — Могу вас заверить, что невиновному нечего опасаться.

Леди Присцилла не утерпела:

— У меня не было никаких причин убивать свою внучатую племянницу, инспектор.

Он не дрогнул. Чуть заметно склонил голову и заверил галантно:

— Нисколько не сомневаюсь, леди Присцилла. Однако долг велит мне в этом убедиться. Старая леди с минуту сверлила его гневным взглядом, затем расхохоталась.

— Вы мне нравитесь, милый мой.

Инспектор моргнул.

— Благодарю вас, — произнес он сухо. — Мисс Райт, полагаю, в первую очередь я поговорю с вами.

— Как вам угодно, — ответила я ему в тон.

— Однако для начала мне следует обыскать всех присутствующих. Заранее прошу прощения, но... — Он терпеливо переждал шквал возмущения и поднял руку. — Леди и джентльмены, разумеется, я понимаю ваши чувства и не вправе вас к чему-либо принуждать. Но простое согласие подвергнуться обыску здесь и сейчас, пока у виновного еще не было возможности избавиться от улики, поможет вам обелить себя. Кто-нибудь против?

Он обвел взглядом угрюмо молчащих людей.

— Вы будете обыскивать дам, инспектор? — проворковала леди Сибил, глядя на него томно и многозначительно.

По-видимому, она достаточно оправилась, чтобы вновь прибегнуть к женскому обаянию.

— Мы попросим о помощи экономку, миссис Уайльд. Боюсь, в округе не сыщется женщин-полицейских. Или вы предпочтете ждать, пока я пошлю за надзирательницей женской тюрьмы? Нет? Так я и думал.

Дверь распахнулась, и в столовую почти ввалился констебль в форме, которая была ему тесновата.

Инспектор ему кивнул.

— Я — инспектор Баррет. Убита леди Хэлкетт-Хьюз.

— Господи, помилуй! — Констебль уставился на выразительный холмик на ковре. — Простите, сэр.

Он стащил каску и пристроил ее на согнутый локоть.

— Ваша задача, констебль, — никого не впускать в эту комнату. Ни слуг, ни гостей, ни хозяев. Вы меня поняли?

— Да, сэр! — гаркнул констебль, тараща глаза. — А как же?..

И скосил глаза на багрового полковника Хьюза, мрачную леди Присциллу, странно улыбающегося мистера Гилмора, бледную как смерть леди Сибил и успевшего изрядно нагрузиться (где только взял спиртное?) Родерика Хьюза.

— Сейчас вы встанете у двери и будете наблюдать. Полагаю, нам потребуется ширма.

— Да, сэр!

Констебль козырнул и с бравым видом заступил на пост...

Обыск не затянулся надолго и успехом не увенчался. Больше времени заняли попытки леди вновь привести себя в должный вид. Наконец и с этим было покончено.

Гости нехотя потянулись к выходу. Полковник Хьюз на пороге обернулся на тело жены, тяжело сплотнул и побрел прочь. Зато остальные на труп старались не смотреть. Даже накрытый скатертью, он навевал мысли о бренности всего сущего. Ну и немного о том, что один из нас — убийца. Бодрит, знаете ли.

Констебль теперь караулил снаружи.

— Полковник Хьюз, — остановил хозяина инспектор. — Где я могу устроиться? Боюсь, моя комната не слишком подходит.

Свежеиспеченный вдовец издал не то смешок, не то всхлип. Махнул рукой.

— Где вам будет угодно.

— В твоём кабинете, Бартоломью? — предложила леди Присцилла. Тот лишь кивнул, и старая леди повернулась к инспектору. — Я прикажу лакею подать вам чего-нибудь перекусить, вы ведь остались без завтрака.

— Не стоит беспокоиться, леди Присцилла, — вежливо склонил голову полицейский. — Я рано встаю и успел поесть, благодарю вас.

— Как пожелаете. — Леди Присцилла ободряюще сжала мой локоть и величаво направилась к лестнице, негромко стуча тростью.

Остальные разбежались, как крысы с тонущего корабля.

Где же все-таки Роуз?..

Кабинет полковника Хьюза был типичной мужской берлогой. Массивная мебель загромождала комнату, зато не рисковала рассыпаться от неосторожного движения. Темно-оливковые стены увешаны головами животных — похоже, полковник Хьюз и впрямь был заядлым охотником, а у входа в нелепой позе застыло чучело медведя с подносом в лапах.

Инспектор поднял крышку бюро и хмыкнул. Письменный набор и стопка бумаги в идеальном порядке, карандаши выглядят так, словно их только что очинили. Похоже, полковник Хьюз не большой любитель эпистолярного жанра. Зато в ящике отыскалась целая стопка телеграмм.

Просмотрев их, инспектор удивленно присвистнул.

— Извините, мисс. Присаживайтесь.

— Прошу вас, не стесняйтесь, инспектор, — отмахнулась я. — Уверяю вас, я привыкла ко всякому.

Зрение у меня острое, а текст на телеграфных бланках оказался слишком типичным, чтобы ошибиться. Похоже, полковник Хьюз был не чужд азарта. И ставил — через посредника, разумеется, — на бегах немалые суммы.

— Вот как? — В серых глазах инспектора блеснул огонек. — Могу я узнать, где именно? Вы ведь недавно приехали в Альбион, верно?

Телеграммы он спрятал обратно в стол, убрав одну из них (первую попавшуюся, насколько я могла судить) в карман.

— Недавно вернулась, — поправила я, опускаясь на краешек слишком большого для меня кресла. — Последние три года я путешествовала. Поначалу с миссией, а после — сама.

— Так вы из святош! — воскликнул он. — Кхм, простите, мисс Райт. Это было бестактно с моей стороны.

— Вовсе нет, — чуть улыбнулась я. — Я и впрямь была несколько... узколобой, скажем так. Но поездка расширила мой кругозор.

— Рад это слышать. — Инспектор внимательно смотрел на меня, крутя в пальцах карандаш. — Мисс Райт, собственно говоря, мы с вами сейчас просто беседуем. Никто не записывает ваши слова, поэтому я прошу вас быть предельно откровенной.

— Разумеется, инспектор. Хотя вряд ли я многим смогу быть вам полезна.

— Уверен, вы себя недооцениваете. Скажите, — он поймал мой взгляд, — что вы сами об этом думаете?

Я ответила после паузы:

— Леди Хэлкетт-Хьюз трудно было назвать очаровательной. Но за это не убивают, не так ли?

— Убивают по самым разным причинам, — ответил инспектор уклончиво. — Значит, вы не заметили ничего подозрительного?

Я пожала плечами.

— Ненавидящих взглядов или писем с угрозами? Ничего такого, уверяю вас. И, разумеется, я не видела, чтобы кто-то сыпал яд в тарелку леди Хэлкетт-Хьюз. Хотя я не присматривалась слишком внимательно.

— С которого часа вы были в столовой?

— Я пришла около десяти. Быть может, чуть раньше.

— Вы видели, кто дал овсянку леди Хэлкетт-Хьюз?.. Боже мой, что за имя! Пожалуй, я обойдусь «леди Хэлкетт», да простит мне покойная такую фамильярность.

— Я называла ее «леди ХХХ», — созналась я со смешком.

Инспектор хмыкнул и посмотрел на меня с симпатией.

— В точку. Что же, теперь я тоже стану так ее называть. Без свидетелей, разумеется. Вернемся к нашему вопросу. Кто обслуживал леди ХХХ за завтраком?

— Как хозяйка, она сама накладывала овсянку и себе, и гостям.

Инспектор прищурился.

— Когда это было?

— Я не засекала время. Прошло где-то четверть часа, так что в начале одиннадцатого.

Он подался вперед.

— И с тех пор леди не прикоснулась к завтраку? Вам не кажется это подозрительным?

— Не слишком. Люди приходили, уходили... Здоровались, делились впечатлениями, обсуждали планы, и все в этом духе. Кстати, позже леди ХХХ отозвал лакей, и она ненадолго покидала столовую.

Инспектор нахмурился, побарабанил карандашом по столу.

— Кто-нибудь прикасался к тарелке леди ХХХ?

— Послушайте, я ведь за ней не следила! Скорее напротив, старалась держаться поодаль.

— Леди ХХХ была не слишком с вами любезна, ведь так?

— Я вовсе не ожидала от нее любезности, — заметила я сухо. — Вряд ли ей было до меня хоть какое-то дело.

— Но не до вашей племянницы... — проговорил инспектор задумчиво.

Я промолчала, и он вздохнул.

— Хорошо. Прошу вас, опишите, кто приходил в столовую и что делал.

Я добросовестно перечислила по порядку: профессор Фаулер, викарий Миллер с сестрой, леди Сибил, мистер Гилмор, Роуз, старший и младший Хьюзы и, наконец, леди Присцилла. Коротко обрисовала их действия.

— Благодарю вас, мисс Райт, — официальным тоном сказал инспектор, закончив делать заметки. — Вас еще пригласят.

Раздался быстрый, нервный стук в дверь.

После разрешения войти в кабинет заглянула немного растрепанная Роуз и зачастила:

— Простите, я не буду мешать. Я хочу только успокоить свою тетю Мэри. Боюсь, она волнуется обо мне и...

— Дорогая, с тобой все в порядке? — перебила я ее лепет.

— Да, вполне. — Она нервным жестом поправила волосы. — Внучка садовника упала и сильно расшиблась. Денег на доктора у них нет, я согласилась помочь.

— Очень благородно с вашей стороны, — вмешался инспектор. — Прошу вас, присаживайтесь, мисс Карпентер. Или правильнее — сестра Карпентер?

— Я — медсестра, — тихим голосом отвечала Роуз. — Но все называют меня «мисс».

— Понятно. Мисс Карпентер, я хочу задать вам несколько вопросов.

Я стиснула пальцы, а Роуз лишь шире распахнула глаза.

— Да, конечно. Я слышала, с леди Хэлкетт-Хьюз произошло несчастье?

— Можно и так сказать... Мисс Райт, вас я больше не задерживаю.

Что я могла возразить? Роуз была взрослой девушкой, которая больше не находилась под моей опекой.

Я только пожелала ей удачи. Видит бог, Роуз в ней нуждалась.

За дверью я остановилась в нерешительности. Подпирать стену в ожидании Роуз было бы глупо, а чем заняться в доме, где только что убили хозяйку? Едва ли гостям предложат хоть какие-то развлечения. Кроме, разумеется, расследования убийства. Я слышала, игра в убийство теперь в моде. Только сомневаюсь, что по-настоящему это столь же увлекательно!

Следовало чем-нибудь себя занять, вместо того, чтобы изнывать от тревоги и глупых мыслей. Пожалуй, взгляну-ка я на знаменитый горошек. Я ведь теперь садовница.

Я на ходу покачала головой. Не устаю поражаться поворотам судьбы. Конечно, я занималась нашим палисадником в «Дроздах» — ах, как это раздражало отца! И вообще к цветам всегда была равнодушна, происхождение сказывалось. Но получить, можно сказать, в полное свое владение такое роскошное место, как «Ивы»... До сих пор не верится.

Пожалуй, мне стоило бы... Не получить образование, об этом и речи не идет. Однако немного подучиться не помешает. Выпишу я, пожалуй, несколько журналов. Скажем, «Королевский сад» и «Вестник садовода»...

Горошек и впрямь оказался недурен. Мощные побеги, листья сочного ярко-зеленого цвета, душистые соцветия — голубые, розовые, белые и коралловые. Отступив на несколько шагов, я полюбовалась увитой им аркой издали. Смотрелось прелестно. А запах! Пожалуй, леди ХХХ и впрямь могла рассчитывать на первый приз.

Быть может, удастся раздобыть немного семян? Думаю, если леди Присцилла попросит, полковник Хьюз не откажет. Вряд ли он так дорожит цветами покойной жены.

Я осматривала кусты в поисках созревших семенных коробочек, когда за спиной неодобительно кашлянули.

— Вы что-то хотели, мисс?

На меня исподлобья смотрел старик в старой байковой рубашке и штанах с заплатами на коленях. Толстый фартук, садовые рукавицы и секатор в руках не оставляли сомнений, кто передо мной.

— Вы, должно быть, мой коллега, — дружелюбно сказала я, протягивая руку. — Мэри Райт. Я занимаюсь садом у леди Присциллы.

— Да уж, слышан. — Приязни ко мне у садовника не прибавилось, однако руку он нехотя пожал. — Я Гроувер, Уильям Гроувер. Говорят, беднягу Джоунса вы согнули в бараний рог.

Лишнее подтверждение, что слухи в деревне распространяются молниеносно.

— Всего лишь не дала ему полить лилии свежим навозом, — со вздохом созналась я, взывая к чувству товарищества и любви к цветам. — А еще — обрызгать пионы табачным настоем с дегтем и...

— Не продолжайте! — Садовник поморщился так, будто обнаружил на розах мучнистую росу и черную пятнистость разом. — Джоунс болван, хоть и старательный. А вы, значит, в нашем деле разбираетесь?

— Стараюсь, — сказала я скромно. — Как раз интересовалась семенами этого чудесного душистого горошка. Как думаете, полковник Хьюз не будет против?

Садовник безнадежно махнул рукой.

— Да ему-то что за дело? Это леди покойная тут всем занималась. А хозяин и появлялся-то изредка, и все больше охотился, в сад-то и не заглядывал. Разве вот последнее время почаше бывать стал.

Похоже, супруги Хьюз не очень-то ладили. Неудивительно, что полковник с таким равнодушием отнесся к смерти жены.

— И давно он в деревню зачастил? — поинтересовалась я как бы невзначай.

Садовник, сдвинув шляпу, почесал в затылке.

— Почитай, с весны. Месяца три, выходит. Только не поймите меня превратно, мисс. Я-то в дом не заглядываю, не знаю, что там у них и как. Я любому так и скажу!

Он сдвинул седые брови, и я поспешила сдать назад:

— Конечно, конечно, мистер Гроувер... Значит, полковник Хьюз не станет возражать? Насчет семян.

Как будто это все, что меня волнует.

— Да он-то не станет, а толку? — Выцветшие от старости глаза садовника уставились на меня. — Леди, значит, специально меня предупредила. Мол, семена собирать не надо, толку от них не будет. Вырастет из них самый простецкий горошек, не похожий на эту красоту. — Он махнул рукой на увитую цветами арку. — «Нестойкий гибрид», о как!

Мы в унисон вздохнули. Не видать теперь садовнику редкостных семян, а саду — былого великолепия.

Я с сожалением осмотрелась. Очень живописно, хотя и чересчур претенциозно. Множество редких цветов, кусты подстрижены как под линейку, фонтаны, статуи — как раз в духе леди Хэлкетт-Хьюз.

Гроувер кашлянул.

— Мисс, а как вы справляетесь с паутинным клещом? Никак он мне не поддается!

— О, — встрепелась я. — С помощью аммиака. Только не забудьте...

Роуз появилась, когда мы успели обсудить множество садовых тонкостей и даже немного поспорить. Мистер Гроувер настаивал, что азотного удобрения лучше куриного помета нет и быть не может, мне же пришлось по душе мочевины. Эффект тот же, зато никакой вони.

Племянница остановилась поодаль, нервно теребя оборку на груди. Она была бледна, под прекрасными голубыми глазами залегли тени.

Я тронула ее за плечо.

— Милая, все в порядке?

— Что? — вздрогнула она. — Да, наверное...

И вновь умолкла.

— Ну, я пойду. — Садовник хлопнул себя по колену и нахлобучил на голову кепку. — Дел неспорно. Бывайте, мисс! Приятно было поговорить. И это, если что, заглядывайте. На чашечку чаю, кхе-кхе.

Роуз проводила его удивленным взглядом.

— Тетя Мэри, как тебе это удалось? Говорят, он даже с леди Хэлкетт-Хьюз не всякий раз заговаривал!

При имени леди ХХХ на ее посветлевшее было лицо вновь набежала тень.

Я взяла Роуз за руку и усадила на скамейку под липой.

— Роуз, дорогая, инспектор тебя обидел? Угрожал?

— Что ты, тетя! — Она слабо улыбнулась. — Напротив, он был очень вежлив. Только задал несколько вопросов...

Она прикусила губу, став похожей на обиженного ребенка. Я села рядом, обняла Роуз за плечи и спросила мягко:

— О чем же?

— Спросил, была ли леди Хэлкетт-Хьюз против моего брака с ее сыном.

Мне стоило большого труда сдержать вздох.

— И что ты ответила?

— Правду. — Роуз пожала худенькими плечами. — Что леди Хэлкетт-Хьюз, конечно, возражала, но Родерик обещал, что со временем она смягчится.

Скорее бы ад замерз.

Вслух я сказала лишь:

— Вот как.

— Кажется, он мне не поверил, — упавшим голосом заключила она.

Несмотря на недостаток жизненного опыта, дурочкой Роуз не была.

Я постаралась ее подбодрить:

— Так или иначе, теперь не осталось никаких препон, и вы с Родериком можете пожениться.

— Да, но... — Она отвела взгляд. — Тетя Мэри, это ведь значит, что у меня был мотив!

На ленч нас собрали в гостиной. Где же еще? Возле столовой по-прежнему изнывал констебль, хотя прислуга шепталась, что инспектор успел перерыть там все сверху донизу.

Лакей принес холодные закуски и чай, после чего с видимой неохотой удалился. Подозреваю, чтобы подслушивать под дверь.

Гости рассаживались, переглядываясь и вздыхая. Только у Леоны Фаулер горели глаза. Очевидно, она уже прикидывала, как будет играть роль безвинно обвиненной в какой-нибудь из своих кинокартин.

Полковник Хьюз с тяжелым вздохом плюхнулся в кресло, прикрыл глаза рукой и проворчал:

— Что вам еще от нас надо?

Глаза у него покраснели и припухли, и вряд ли от слез. Исходящий от него запах хорошего бренди сбивал с ног.

Инспектор устроился спиной к окну, так что его худое лицо оказалось в тени. Зато все мы были перед ним, как на ладони.

— На случай, если вы забыли, полковник Хьюз: идет расследование убийства.

— Не подозреваете же вы!.. — Одутловатое лицо хозяина дома налилось кровью.

— Перестань, отец, — поморщился Родерик Хьюз, ногой выстукивая какую-то песенку. — Убийца — один из нас, это очевидно.

Тщетно Роуз пыталась поймать его взгляд, в нашу сторону он не смотрел.

— Чушь! — прогремел полковник Хьюз. — Слуги...

— Свидетели говорят, никто из слуг сюда во время завтрака не входил, — негромко заметил инспектор.

— Вот видишь, отец. — Родерик взял с подноса чашку, с сомнением всмотрелся в чай и пробормотал: — Надеюсь, яда тут нет.

После чего выпил залпом, словно горькую микстуру.

— Родерик! — вскипел полковник Хьюз и грохнул по подлокотнику кулаком.

— Что? — поднял брови непочтительный сын. — Говорят, отравители редко останавливаются на одной жертве. Ведь так, инспектор?

— А по мне, привкус опасности лишь добавляет остроты, — заметила леди Сибил со странной улыбкой и взяла сэндвич с огурцом.

Леди Присцилла покосилась на нее неодобрительно, однако промолчала. У викария Миллера с сестрой сделались одинаково постные мины.

— Бывает по-разному, — ответил полицейский уклончиво. — Хотя пока я не вижу, зачем убийце вашей матери избавляться также от вас. Или вам известно что-то важное?

Родерик, хмыкнув, поднял руки.

— Сдаюсь. Ничего такого, инспектор, клянусь вам. Если бы я видел, как кто-то подсыпает в тарелку порошок, то непременно бы вам рассказал.

— Надеюсь на это, — кивнул инспектор. — Предварительно никого не удалось исключить, так что прошу вас пока не покидать окрестности Дорсвуда.

— Нас с сестрой это не касается, я полагаю? — Арнольд Фаулер поднял глаза от своего неизменного блокнота. — Мисс Райт наверняка показала, что я этого сделать не мог, а Леона вовсе не спускалась к завтраку.

— Вы правы. — Инспектор наклонил голову. — Однако я прошу вас остаться на дознание, поскольку могут потребоваться ваши показания.

— Как угодно... — И профессор вновь принялся что-то чертить в блокноте.

— Мы арестованы? — вновь задрал брови Родерик, кривя капризные губы.

Не понимаю, что Роуз в нем нашла?

— Все нет, — ответил инспектор спокойно. Кажется, ничто не могло вывести его из себя. — Это лишь официальная просьба, мистер Хьюз.

— Которая приравнивается к приказу?

Инспектор ответил с легкой улыбкой:

— Вы все прекрасно понимаете.

— И как долго нам сидеть тут взаперти? — поинтересовалась леди Сибил. Выглядела она по-прежнему прекрасно, лишь внимательный взгляд распознал бы, что теперь ее румянец искусственный. — У меня планы, знаете ли.

— У всех планы, — поправила Леона Фаулер, косясь на нее неприязненно.

Инспектор побарабанил пальцами по подлокотнику.

— Дознание состоится в среду. Возможно, после этого вам разрешат уехать.

— Возможно? — вспыхнул полковник Хьюз. — Мне сегодня же нужно в Лозборо. По важным делам!

— Разумеется, полковник Хьюз. — Инспектор склонил голову. — Вы можете ехать. При условии, что вернетесь не позднее завтрашнего утра.

— Да вы!..

Полицейский продолжал спокойно улыбаться. Полковник Хьюз стиснул руку в кулак и отвернулся.

Викарий громко откашлялся.

— Простите, инспектор, — заговорил он неожиданно звучным, привыкшим к церковной акустике баритоном. — Но вы уверены, что речь идет об убийстве?

— Надеюсь, вы не намекаете на суицид, пастор? — вставил Родерик Хьюз. — Не вижу, с чего бы маме это понадобилось.

Он повертел в руках сэндвич и вернул на блюдо. К еде почти никто не притронулся, кроме леди Сибил. Очевидно, остальные привкус опасности лакомой приправой не считали.

— Нет-нет, — пробормотал викарий, совсем смешавшись, и отвел взгляд. — Я имел в виду несчастный случай.

— Слуги нечаянно перепутали «пыльцу фэйри» с сахаром? — ответил Родерик со смешком. — Вряд ли мы сможем убедить в этом присяжных.

— Сложно перепутать, — покачал головой инспектор. — Яд похож на розовую пыль.

Викарий сконфуженно кашлянул, снял очки и принялся их протирать.

— Ой, да бросьте! — Леона Фаулер вытащила из сумочки портсигар и позволила мистеру Гилмору прикурить ей сигарету. — Все знают, что это афродизиак. А наша леди была в том возрасте, когда без таких штучек никак. Вот и переборщила с дозой.

— Леди Хэлкетт-Хьюз и полковник Хьюз жили душа в душу! — вдруг громко сказала Рут Миллер, заставив брата вздрогнуть и подслеповато прищуриться. — Зачем бы им?..

— За столько лет немудрено... э-э-э... немного устать друг от друга, дорогая Рут. — Викарий похлопал сестру по плечу и водрузил очки на нос.

Интересно, откуда сельскому викарию и его невинной сестре вообще известно о таких вещах? Начинаю думать, что Дорсвуд не настолько идиллическое местечко, как мне раньше представлялось.

Багровый от негодования полковник Хьюз только молча разевал рот, как вытщенная на берег рыба.

— Боюсь, — инспектор чуть повысил голос, перекрывая поднявшийся гвалт, — несчастный случай крайне сомнителен. В вещах покойной «пыльца фэйри» или упаковка из-под нее не обнаружены. Я также не нашел никаких свидетельств, что леди Хэлкетт-Хьюз ее покупала. Зато в чашке с остатками кофе я нашел кое-что другое.

Он выложил на стол носовой платок, в который было что-то завернуто. Осторожно отогнул ткань и показал всем бумажный конвертик с полдюйма размером, коричневый и сморщенный.

Инспектор обвел взглядом вытянувших шеи гостей и заметил негромко:

— Полагаю, экспертиза обнаружит следы яда.

Вряд ли из этой бумажки сумеют выжать что-то еще. Трудно ожидать, что после купания в кофе на ней остались отпечатки пальцев или хотя бы запах. Интересно, убийце повезло или он оказался настолько предусмотрителен?

— Прямо как в фильме «Убийца — дворецкий». — Кинозвезда, рисуясь, выпустила клуб дыма в потолок.

Инспектор перевел взгляд на нее и сказал вежливо:

— Благодарю, мисс Фаулер. Возможно, убийца почерпнул идею как раз оттуда.

— Осталось только выяснить, кто из нас смотрел этот фильм, — фыркнула она. — Напомню, я не в счет.

— Разумеется.

— Послушайте! — Полковник Хьюз громко подал голос. — Что за ерунда? Не можете же вы в самом деле думать, что... что один из нас!..

Он задохнулся и махнул рукой.

— Почему же? — Инспектор склонил голову к плечу.

— Мы все любили Хелен, — заметила леди Присцилла, сжав руки на набалдашнике трости. — Разумеется, характер у нее был скверный...

— Как вы можете? — вознегодовал полковник Хьюз, очевидно, следуя старому правилу говорить о мертвых только хорошее.

Она слегка пожала плечами и бросила на него насмешливый взгляд.

— Что толку закрывать глаза на очевидное? Однако зачем кому-то из нас желать ее смерти?

Викарий откашлялся.

— Не могу поверить. Невозможно представить, что кто-то в моем приходе мог лишиться другого жизни! — Он сокрушенно покачал головой и с робкой надеждой посмотрел на инспектора. — Возможно, это кто-то чужой?

— Вы о ком? — возмутилась леди Сибил, явно приняв это на свой счет.

Викарий побледнел, отшатнулся и пробормотал сконфуженно:

— Я не имел в виду ничего такого...

Инспектор, наблюдавший за перепалкой с неиссякающим интересом, считал своим долгом напомнить:

— Повторюсь, под подозрением все, кроме профессора Фаулера, его сестры и доктора Пэйна.

— Чушь! — прогремел полковник Хьюз, восставая из кресла, как языческое божество из пены морской. — Инспектор, вы не можете подозревать жителей Дорсвуда. Мы все — приличные люди и сто лет друг друга знаем!

— А остальные? — усмехнулся мистер Гилмор, хотя его-то как раз отнесли к этой почтенной категории. — Что же вы, старина, приглашаете в гости неприличных?

Его черные глаза поблескивали, как агат в булавке нового тюбана.

— Хелен жаловалась, — мурлыкнула леди Сибил, — что некоторых гостей она не звала, они увязались сами.

И протянула руку с безупречным маникюром за очередным сэндвичем. В диетах она, очевидно, не нуждалась.

— Ха! — крикнул полковник Хьюз, украдкой приложившись к фляжке. — Да уж, притащили вы нам, тетя Присцилла, подарочек.

— На что это вы намекаете? — Голос старой леди был холоден, как январский день.

— Я думаю, это все она! Больше некому.

Он невоспитанно ткнул пальцем в Роуз, чуть не упав при этом.

В перекрестье взглядов бедняжка густо покраснела и сказала звонко:

— Я никого не убивала!

Я взяла ее за руку и осторожно сжала.

— Это вы так говорите! — Полковник Хьюз потряс кулаком. — Такая испорченная девчонка...

Язык у него уже изрядно заплетался.

— Полагаю, вы пожалеете о своих опрометчивых словах, — отчеканила я, — как только... придете в себя.

«Протрезвеете» хотела сказать я.

— Да вы!..

Леди Присцилла поднялась на ноги.

— Мы уезжаем! — Голос ее лязгнул, как оружейный затвор. — Немедленно.

Полковник Хьюз набычился.

— Тетя Присцилла...

— Моей родственницей — дальней, прошу заметить, — была Хелен. Вы же, полковник, мне не родня ни по крови, ни по браку. И меня это радует. Не хотела бы я иметь племянника, который позволяет себе клеветать на девушку.

Лицо полковника Хьюза залилось краской.

— Прошу меня извинить, — выдавил он с натугой. — Леди Присцилла.

Она надменно кивнула, добела стиснув пальцы на наверху трости.

— Извинения приняты. Однако я не могу остаться в доме, где оскорбляют одну из моих служащих.

Это было так трогательно. Так невозможно, неожиданно трогательно, что я почти прослезилась.

— Боюсь, леди Присцилла, вам придется остаться. — Негромкий голос инспектора заставил всех воззриться на него. — Видите ли, я прошу вас вызвать дух убитой. И лучше этим заняться прямо сейчас, пока все в сборе.

Родерик вытаращил глаза, леди Сибил подавилась, а викарий издал что-то вроде «Пфф!»

— Тревожить дух моей жены! — трубным голосом начал полковник Хьюз, привстав с кресла.

— Ради торжества справедливости, — напомнил инспектор спокойно.

— Бросьте, — лениво протянула Леона Фаулер, стряхивая пепел наигранным, явно киношным жестом. — Что могла знать бедная старушка? Вряд ли она стала бы есть, заметив, что кто-то сыплет яд ей в тарелку.

И рассмеялась мелодично, но чуточку слишком громко. Запах ее ванильных сигарет щекотал нос.

Леди Сибил в ответ на «старушку» сверкнула глазами, а леди Присцилла усмехнулась.

— Разумеется. — Инспектор склонил голову набок. Такой ерундой его с толку было не сбить. — Однако леди могла бы рассказать о своих врагах. Письма с угрозами, подозрительные разговоры и прочее в том же духе. Показания призрака, конечно, нельзя использовать в суде, но кое-какую информацию они дают.

— Инспектор, — заговорила леди Присцилла. — Вам известны ограничения?

Он пожал плечами, откинулся в кресле и перечислил:

— Не ранее чем через сутки после смерти и не позднее, чем через девять дней. Не дольше пятнадцати минут. Спрашивать только о том, что при жизни волновало жертву больше всего. Вопросы должны быть прямыми и конкретными. Желательно присутствие всех подозреваемых. Я ничего не забыл?

— Наличие священника, — напомнила леди Присцилла хмуро. Кажется, перспектива ее не прельщала. — Отдаю вам должное, инспектор Баррет, вы весьма компетентны.

Колдовать без разрешения властей — светских и церковных — могли только ведьмы на службе короне.

— Благодарю, — ответил он сдержанно. — За священником, полагаю, дело не станет.

И кивнул на побледневшего викария.

— Н-но! — проговорил тот, запинаясь. — Я не могу.

— Почему же? — поинтересовался инспектор, потирая подбородок. — Это вполне обычная практика, хоть и нечасто применяемая.

— Ритуал разрешен указом Генриха Третьего, — подсказала леди Присцилла.

Инспектор кивком ее поблагодарил и посмотрел на смущенного викария.

— Я не позволю! — вновь завел свою волюнку полковник Хьюз. — Не дам тревожить дух моей бедной жены!

— Осмелюсь напомнить, — чем сильнее ярился полковник Хьюз, тем вежливее становился инспектор, — что такого рода ритуал, напротив, часто проводят ради отпущения грехов невинно убиенным.

— А вы как будто чего-то боитесь, — вставила леди Присцилла, и ее усмешка стала открыто глумливой.

Родерик Хьюз даже заплодировал.

— Браво, браво, тетя Присцилла! То есть леди Присцилла, я хотел сказать.

— Родерик! — одернул его отец таким тоном, что сын посчитал за лучшее поднять руки.

— Сдаюсь, сдаюсь. Выпью я лучше чаю. — И налил себе полную чашку, к которой, впрочем, не притронулся.

Викарий откашлялся и вновь принялся тереть стекла очков носовым платком.

— Это в высшей степени благородно, инспектор. Очень благородно — заботиться об усопшей душе. Но я мало что в этом смысле и действительно боюсь... навредить по незнанию.

Леди Присцилла поморщилась.

— Хватит вилять, викарий Миллер. От вас ничего особого не требуется, лишь присутствие и обычная исповедь, если Хелен этого пожелает. Правда, духи редко хорошо помнят мелкие прегрешения, зато о серьезных проступках не забывают.

— Благодарю вас, леди Присцилла, — церемонно сказал инспектор, убедившись, что викарий не подыскивал иных возражений. — На этом, полагаю, мы можем закончить. Леди и джентльмены, я вас больше не задерживаю. Только попрошу остаться мисс Райт.

— Бедняжка, — притворно посочувствовала Леона, блестя глазами. — Ее будут пытаться.

— Леона, перестань дурачиться! — осадил ее профессор.

— Как скажешь, братец. — Она затушила сигарету и поднялась.

Расходились гости с куда большим энтузиазмом, чем собирались. Можно сказать, разлетались, словно пташки из клетки.

Леди Присцилла на пороге обернулась, но ничего не сказала. Зато Роуз схватила меня за руку.

— Тетя Мэри, я останусь с тобой!

— Не глупи, дорогая, — попросила я, похлопав ее по плечу. — Инспектор не сделает мне ничего дурного.

— Все равно, — сказала она упрямо.

И губы сжала так, что ясно было: не уступит.

— Мисс Карпентер, — инспектор Баррет усмехнулся, — вы можете обождать в смежной комнате. Если я стану, хм, пытаться мисс Райт, она закричит, и вы сможете вмешаться. Годится?

Роуз засопела и поднялась.

— Хорошо.

Я проводила ее взглядом — дверь Роуз прикрыла неплотно, — и обернулась к инспектору.

— Слушаю вас.

Инспектор вынул карандаш и блокнот, отыскал в своих записях нужное место и поднял на меня усталые глаза.

М-да, не повезло ему. Приехал в гости в другу, а напоролся на убийство.

— Мисс Райт, некий Гарри Вуд, лакей, утверждает, что вы не стали есть овсянку и избавились от своей порции. Почему?

Я замаялась. Правдивое объяснение выглядело как-то глупо, но другого у меня не нашлось.

— Внимательность делает вам честь, инспектор, — усмехнулась я. — Видите ли, я не ем овсянку.

Глаза инспектора расширились.

— Совсем?

И тон такой, будто я созналась, что разгуливаю по ночам нагишом.

— Каюсь, — хмыкнула я. — Терпеть ее не могу. Надеюсь, это не запрещено законом?

— Тогда почему вы взяли себе порцию? — нахмурился он, постукивая карандашом по коленкоровой обложке блокнота.

— Леди ХХХ, — вздохнула я, — не желала слушать возражений. Викарий Миллер, мисс Миллер и леди Сибил могут это подтвердить.

— Благодарю вас, мисс Райт...

Его прервал стук и негромкий голос Родерика Хьюза:

— Инспектор, можно войти?

— Я подожду, — быстро сориентировалась я и, не дав полицейскому возразить, скрылась в соседней комнате.

Инспектор откашлялся и громко разрешил:

— Входите.

Роуз просияла.

— Родди!

Я схватила ее за руку, приложила палец к губам и слегка приоткрыла дверь. Повезло, видно было неплохо.

— Я не задержу вас надолго, — пообещал Родерик с порога. — Всего лишь хочу сообщить, что еду в Лозборо вместе с отцом. Если, конечно, вы не собираетесь упечь меня в застенки.

И шутливо подвигал бровями.

— Ничего подобного я делать не намерен, мистер Хьюз. — Инспектор не подхватил его игривый тон.

Напротив, помрачнел. Очевидно, его корбило легкомысленное отношение Родерика к смерти матери. Траур он, кстати, тоже надеть не потрудился.

— Вот и отлично.

Родерик уже собирался уйти, когда инспектор его окликнул:

— Мистер Хьюз!

Тот неохотно повернулся на каблуках.

— Ну что еще, инспектор?

— Ваша невеста едет с вами?

— Невеста? — Родерик задрал брови. — О ком это вы?

— О мисс Карпентер, разумеется. Разве вы не обручены?

Родерик захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

— С чего такие мысли? — Его голос звучал по обыкновению скучающе. — Я вовсе не собирался на ней жениться.

— Разве? Мне показалось, что и ваша мать, и сама мисс Карпентер были другого мнения. Смех у Родерика был резким, неприятным.

— Ну-ну, инспектор, — протянул он, отсмеявшись. — Признаюсь, я постарался создать у мамы такое впечатление. Я был зол, потому что она отказалась ссудить меня деньгами, понимаете? Мне нужно было совсем немного, в счет содержания за следующий месяц, а она заупрямилась. Вот я и решил ее проучить. Но это же не означает, что я всерьез собирался жениться на какой-то там медсестре!

Из груди Роуз вырвался прерывистый вздох. Я нашла ее руку и крепко сжала.

Инспектор откинулся в кресле.

— А что до самой мисс Карпентер? Вы не опасаетесь суда из-за нарушения обещания жениться?

Родерик развязно ухмыльнулся.

— Ничего такого я ей не обещал. Согласитесь, я ведь не обязан отвечать за то, что девушка себе напридумывала?

— Что же, — похолодевшим тоном произнес инспектор. — Это приводит нас к другому мотиву.

— Какому же? Вы не возражаете, если я закурю?

Он чиркнул спичкой, не дожидаясь разрешения.

— У вас были долги, мистер Хьюз. И, как вы сами признали, на этой почве у вас возникла ссора.

— Хотите сказать, что я уюкошил старушку-мать ради наследства? — развязным тоном спросил Родерик после паузы. — Ерунда. Я ведь ее единственный сын. Она бы подулась немного и заплатила. Так всегда бывало.

— Вы можете быть свободны, мистер Хьюз. — Инспектор помолчал и уточнил с нажимом: — Пока свободны.

Родерик хмыкнул, затушил окурок и, насвистывая, вышел из комнаты.

Я обняла Роуз за дрожащие плечи и повела к инспектору.

— Вот же... — Он выдохнул и потер лоб. — Простите, мисс Карпентер, что вам пришлось это услышать.

— Спасибо, инспектор, — дрожащим голосом выговорила Роуз. — Я... рада, что это услышала. Прошу меня извинить.

Вырвала руку и выбежала прочь.

— Дорогая! — Я дернулась ей вслед, но инспектор взял меня за локоть.

Пальцы у него были жесткими, зато голос звучал мягко:

— Оставьте, ей нужно это пережить. Я сожалею.

— Спасибо.

Я прикрыла глаза. Бедная, бедная Роуз.

Роуз заперлась у себя.

Вечером ко мне постучалась встревоженная горничная.

— Прошу прощения, мисс. Я принесла обед для мисс Карпентер, но она не открывает.

Я молча отстранила горничную и побарабанила в соседнюю дверь.

— Роуз, с тобой все в порядке? Отвечай, иначе я принесу запасной ключ!

Это подействовало.

— Со мной все хорошо, тетя Мэри. — Голос Роуз был слабым, но вполне отчетливым.
— Я просто хочу побыть одна.

— Тебе нужно поесть.

— Я не хочу, — так же слабо и безразлично ответила она.

— Роуз, нужно поесть, — сказала я, выделяя каждое слово.

Тихий вздох.

— Хорошо.

Дверь распахнулась, и я жадно всмотрелась в ее лицо. Немного осунулась, глаза заплаканные, но и только.

— Со мной все в порядке, — отрывисто сказала она. — Прости, я хочу побыть одна.

Забрала поднос и захлопнула дверь.

Я оглянулась на горничную. Надеюсь, она не станет болтать? Роуз и так придется нелегко.

— Я никому не скажу, мисс. — Она шмыгнула носом и заявила с непонятным ожесточением: — Я вообще с ними не разговариваю. Они все, все рады, что хозяйки больше нет!

Закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

Мгновение я помедлила, потом обняла ее за плечи.

— Хватит плакать... как тебя зовут?

Она была старше меня на добрый десяток лет. Но я — почти леди, а она — служанка. Как ни крути, сословные различия все еще кое-что значат.

— Лиззи. — Она шмыгнула носом. — Лиззи Боггарт, мисс. Я личная горничная... была горничной хозяйки. — Ее простоватое лицо некрасиво скривилось. Вот-вот опять разрыдается. — А что до того, что леди хотела сменить меня на другую горничную, — ну, чтоб волосы умела по-модному укладывать и все такое, так это неправда! Леди бы никогда так не поступила.

Она прижала мокрый насквозь платок к носу.

— Вот что, Лиззи. — Я говорила ласково, как с больным ребенком. — Принеси мне обед, будь добра. И чтобы побольше чаю со сладостями. Ты меня поняла?

— Да, мисс. — Не улыбка — тень ее мелькнула на заплаканном лице. — Я все поняла.

Лиззи оказалась расторопной. Четверть часа спустя мы пили чай и уплетали пирожные. Поначалу она оглядывалась на запертую дверь, после осмелела. И захлеб рассказывала о хозяйке, а мне этого и надо было.

— Не ладили? Да что вы такое говорите, мисс! — Лиззи была так возмущена, что даже отложила пирожное. — Да у нее с хозяином прямо второй медовый месяц был! Бедная леди сама мне говорила...

И душераздирающе всхлипнула.

Глаза у Лиззи были на мокром месте. Она оплакивала свою не очень-то добрую госпожу так искренне! Поневоле закрадывалась мысль, что даже в спесивой леди ХХХ можно было отыскать что-то хорошее. Преданность слуг дорогого стоит. Впрочем, Лиззи могла быть сентиментальна по натуре, да и положение личной горничной ей наверняка терять не хотелось.

— А я слышала другое, — произнесла я с тщательно выверенным недоверием.

— Вранье! — припечатала она. — Плюньте тому в глаза, кто такие рассказы плетет. Я в семье тридцать лет служу. Кому знать, как не мне? Бедная леди часто со мной вроде как болтала. Ей и поговорить-то по душам было не с кем. Все вокруг ей завидовали.

— Неужели? — вставила я для поддержания разговора.

— Да-да! — закивала Лиззи. Было ей под пятьдесят, но маленькое личико, светлые волосы, вздернутый нос и распахнутые словно в удивлении глаза очень ее молодили. — Отец леди, покойный барон, души в ней не чаял. Оставил ей, бедняжке, все свое состояние. А другим родственникам — фигу с маслом!

— Неужели? — повторила я.

— Точно вам говорю! Они-то надеялись, что после смерти старого барона титул и поместье достанутся им. — Она вдруг хихикнула и покачала головой. — Но к тому времени у нашей леди уже мистер Родерик родился, и его светлость выхлопотал, чтобы титул перешел ему. Хоть и по женской линии, зато прямой потомок. И то дело, там родственники — седьмая вода на киселе.

Глаза у нее блестели, на губе прилипла крошка шоколада.

— Быть может, они с леди Хэлкетт-Хьюз переписывались? — заинтересовалась я.

В детстве я любила собирать грибы. И с тех пор твердо усвоила: хочешь что-то найти — смотри в оба и вороши любую кучу листьев.

— Ни словечка! — Лиззи торжественно потрясла пальцем. — Ни единого словечка за все годы, что я тут работаю. Вроде как старый барон с ними знался, еще когда его бедная жена в родах померла. Он-то жениться второй раз так и не собрался, да и в годах уже был. Вот и присматривался. Из детишек у него одна наша леди была, упокой, Господи, ее душу.

Горничная всхлипнула.

Я с нежностью посмотрела на свой бесценный источник информации и погладила по круглому плечу.

— Хватит убиваться.

— Да как хватит? — Лицо Лиззи некрасиво сморщилось. — Когда бедная моя леди... Она так радовалась, что муж взялся за ум!

— И все-таки не верится мне, что полковник Хьюз вдруг переменялся. Может, леди... ну, выдавала желаемое за действительное?

— Да что вы! Лорд стал таким внимательным, все старался жене угодить, подарками ее завалил и даже брился два раза в день.

Что-то мне подсказывало, что дело нечисто. Не похож полковник Хьюз на безутешного вдовца. И вообще, мужчины начинают задабривать жен, когда чувствуют себя виноватыми. Вопрос, в чем провинился полковник Хьюз?

Ночью я долго лежала без сна.

Кто же все-таки убил леди ХХХ? Не Роуз, она на такое попросту не способна. Родерик Хьюз? Что если его размолвка с матерью была не такой пустяковой, как он легкомысленно заявил? Что если она угрожала лишить его наследства? Деньги всегда были и будут первым мотивом преступления.

Второй — страсть. Полковником Хьюзом, похоже, движет именно она. Не зря он вдруг сильно переменялся. Любовь к жене? Не смешите! В таком возрасте мужчины склонны поглядывать на сторону. Зачем ему старая и скучная жена? Значит, интрижка, которая могла бы привести к позорному разводу. Или, напротив, полковник Хьюз желал разрыва, а леди ХХХ отказала наотрез? Нет, в таком случае он вел бы себя совсем, совсем иначе. Значит, страсть и страх разоблачения. Возможно, вкупе с теми же меркантильными интересами.

Леди Присцилла? Смешно. Яд — это вполне в духе старой ведьмы, но ведь не такой яд! И никаких причин для убийства. Отбрасываем.

Профессора Фаулера и Леону Фаулер исключаем. У них не было ни возможности, ни — во всяком случае, на первый взгляд, — мотива. А жаль, потому что как раз у них вполне могла иметься «пыльца фэйри». В Альбион ее привозят из колоний.

Викарий и его тихая сестра? Ума не приложу, чем им могла помешать леди ХХХ.

Чарльз Гилмор? Этот бы скорее поквитался с полковником Хьюзом, который поносил Хиндустан и его народ.

Сибил Бредфорд? Я вспомнила ее злорадный взгляд и насмешливые советы. Пожалуй, эта могла бы. И слушок пустить, и яду сыпануть закланной подруге, подвернись такая возможность. Мотив? Пока неясен, хотя...

Уже в полусне я, кажется, что-то поняла. Встрепенулась, подумала: «Надо не забыть!» — и тут же забыла...

Разбудил меня грохот. Очень близкий, как бы не через стенку. «Роуз!» — мелькнуло в голове, и я подскочила с места.

Халат? Тапочки? Черт с ними! Как была, в одной лишь ночной сорочке, я выбежала из комнаты. Из соседних спален выглядывали люди, такие же сонные и полуодетые.

Арнольд Фаулер в пурпурном халате, подпоясанном золотым кушаком с кистями, и сетке на золотистых волосах. Леона Фаулер в алом шелковом negligé и с шелковым же платочком поверх бигуди. Чарльз Гилмор в черной атласной пижаме и расшитых бисером тапочках. На шее у него болталась бархатная маска для сна. Викарий Миллер с сестрой, оба — в серых фланелевых одеяниях до пят. Леди Присцилла в кимоно с драконами и с неизменной тростью, седые волосы заплетены в косу. Один лишь инспектор Баррет был в сером костюме с галстуком, чисто выбрит и благоухал одеколоном.

Кого недостает?.. Роуз!

Я забарабанила в соседнюю дверь.

— Роуз, с тобой все в порядке? Отзовись!

Дверь распахнулась так резко, что я чуть не села на месте. Роуз в своем милом голубом халатике выглядела усталой и заплаканной, однако вполне здоровой. Слава тебе, Господи.

— Тогда кто?.. — начал мистер Гилмор и обвел всех взглядом. — Где леди Сибил?

Ответом ему был тихий стон.

Инспектор сориентировался первым.

— Лестница.

Переглянулся с Чарльзом Гилмором и сорвался с места. Остальные толпой двинулись следом.

Она лежала на лестничной площадке. Черные волосы разметались по белому мрамору, а лицо соперничало цветом с его белизной. Сорочка цвета шампанского и такого же оттенка халат, словно оправа из белого золота, обрамляющая жемчужное тело.

— Она мертва? — неожиданно деловито уточнила Рут Миллер.

Викарий истово перекрестился и забормотал молитву.

Инспектор присел рядом с леди Сибил на корточки, взял ее за руку. Мгновение, другое, затем его хмурое лицо просветлело. Он бросил коротко:

— Жива. Чарльз?

Гилмор кивнул.

— Я вызову доктора.

Кажется, эти двое понимали друг друга с полуслова.

— Роуз, нюхательную соль! — скомандовала я отрывисто.

Кое в чем я была опытнее племянницы, пусть она и дипломированная медсестра. Практические навыки ничем не заменишь.

Она кивнула и испарилась, я же отодвинула в сторону мисс Фаулер, которая жадно разглядывала эту сцену, и опустилась рядом с неподвижным телом.

Инспектор покосился на меня удивленно, и я объяснила коротко:

— Красный Крест.

Он кивнул, посторонился и пробормотал:

— Хотел бы я знать, как она тут оказалась.

Хороший вопрос.

Леди Сибил лежала между вторым и третьим этажами. На первом — столовая, гостиная, библиотека, кабинет полковника Хьюза, а также кухня и кладовые. Второй отведен для гостей. На третьем живут хозяева. Четвертый, под самой крышей, занимают слуги, но они не пользуются парадной лестницей. Кажется, она вообще заканчивается на третьем этаже. Только там ведь сегодня никого. Леди ХХХ мертва, полковник Хьюз с сыном заночевали в Лозборо. Так что могло понадобиться леди Сибил в их покоях?

Потом, все потом.

Пальцы легли на ее виски. Мрамор был ледяным, так что я озябла, и у меня вдобавок свело ногу, но телесные неудобства почти перестали меня занимать.

Сквозь вату в ушах я слышала гневное восклицание викария:

— Проклятая кровь!

Однако на него тут же зашикали. Леди Присцилла оттащила священника в сторону и принялась негромко отчитывать.

В наши просвещенные времена примесь крови фэйри уже не считается чем-то предосудительным. Даже потомки темных фэйри, оборотни, больше не прячутся. Кое-кто из них теперь в полиции служит. Но в глубинке встречаются еще... ретрограды.

Я поморщилась и зажмурилась. Под моей ладонью чуть слышно бился пульс и дрожала тонкая нить чужой жизни. Что тут у нас?..

Наконец я с облегчением вынырнула из транса.

— Как она? — Инспектор набросил мне на плечи свой пиджак и подал руку.

Я с благодарностью на нее оперлась.

— Ничего страшного, — поморщилась я, растирая ноющую икру. — Небольшой ушиб головы, пара синяков и вывих ступни. Для доктора пара пустяков. Роуз?

Роуз молча сунула склянку под нос беспамятной леди. Та сморщилась, заметалась, замычала протестующе и наконец открыла мутные от боли глаза.

— Кто вас толкнул, леди Сибил? — деловито поинтересовался инспектор.

Сверху донесся какой-то сдавленный звук, и все дружно задрали головы.

С третьего, хозяйского этажа на нас тарашился Родерик Хьюз в распахнутом халате. Погодите, он ведь должен был ночевать в городе?

— Леди Сибил? — спросил он, откашлявшись. — Что случилось? Что вы тут делаете?

Сама невинность. Однако припухшие губы и помада на шее выдали его с головой.

Ему никто не ответил.

— Кто вас толкнул, леди Сибил? — терпеливо повторил инспектор.

— Никто. Я не знаю. Не помню... — леди Сибил поднесла к виску тонкую руку и закрыла глаза.

— А вам, мистер Хьюз, что-нибудь об этом известно?

В кривой усмешке Родерика скользила нервозность.

— Абсолютно ничего. Надеюсь, вы не думаете, что это я?

— Как знать... — проговорил инспектор задумчиво. — Кстати, мистер Хьюз, что леди Сибил делала в вашей комнате?

Родерик вскинул бровь.

— О чем вы? Я мирно спал в своей постели — в одиночестве, прошу заметить. Ай-ай-ай, инспектор! Ваши подозрения пятнают репутацию леди.

— Идите к себе, мистер Хьюз, — разрешил инспектор рассеянно, зачем-то внимательно изучая ступени. — Я загляну к вам через несколько минут.

Родерик мгновенно скрылся.

Красный от смущения викарий вскричал потрясенно:

— Да ведь она ему в матери годится!

— Когда и кого это останавливало? — заметила Леона Фаулер, изогнув бровь, и вытащила из кармана халата портсигар.

— Я-то думала, леди Сибил охотится на мистера Гилмора... — прокомментировала я вполголоса.

— Она вовремя поняла, что я ей не по зубам, — насмешливо объяснил подошедший сзади мистер Гилмор. — Кстати, мисс Райт, чудное неглиже. Вам очень идет.

Он скользнул взглядом по моему телу, едва прикрытому коротенькой сорочкой и — спасибо инспектору — мужским пиджаком.

Леди Сибил застонала, поднесла руку к бледному челу, пробормотала:

— Я... Кажется, я опять ходила во сне?

Леона фыркнула, крутя в длинных наманикюренных пальцах зажигалку.

— Так себе объяснение. Никто в такое не поверит.

Профессор выступил вперед и рыцарственно предложил:

— Леди Сибил, я донесу вас до кровати.

Должно быть, поправить ей одеяло перед сном он тоже не прочь.

— Спасибо, — ответила она слабым голосом и опустила длинные ресницы.

— Леди лучше не двигать с места до приезда доктора, — тихо возразила Роуз, вспомнив наконец, что ее тоже кое-чему учили. — Я побуду с ней.

Доктор — единственный из гостей, кто ночевать в доме Хьюзов не стал. Сослался на срочные дела и обещал вернуться утром. Поскольку отравить леди ХХХ он никак не мог, инспектор возражать не стал. Выходит, зря.

Полицейский наклонился и поднял с пола дешевенькую заколку. Покрутил в пальцах, позвал негромко:

— Леди Присцилла, не могли бы вы подойти? Взгляните-ка на это.

Застучала трость, и старая дама склонилась над недорогой деревянной заколкой с жемчужиной в центре. Откуда она могла взяться на парадной лестнице?

И, кажется, где-то я эту вещицу видела. Но где?..

— Легкое магическое воздействие, направленное на нарушение координации движений, — резюмировала старая леди пространно и уточнила с усмешкой: — В обиходе — «спотыкач». Уже неопасен, истратил весь заряд.

Кто-то — кажется, мистер Гилмор, — длинно присвистнул.

— Значит, леди Сибил и впрямь пытались убить? — переспросила Леона Фаулер и нервно затянулась сигаретой.

— Боюсь, это не совсем так, — покачал головой инспектор. — Никто ведь не знал о...

— Ночных визитах леди Сибил к мужчине, — хмыкнула леди Присцилла.

— Именно, — кивнул инспектор, осторожно заворачивая улику в чистый носовой платок. — Скорее всего, покушались на мистера Хьюза. Или же на полковника Хьюза, хоть это менее вероятно.

— По-моему, это все больше похоже на детскую шалость! — заявил профессор Фаулер решительно.

Инспектор спрятал улику в карман и ничего не ответил.

На завтрак нас собрали в столовой.

— Как жаль! — воскликнула Леона, обедая комнату взглядом. Глаза у нее сверкали, алые губы капризно кривились. — Я-то думала, повсюду будут порошок для снятия отпечатков, фотоснимки и гипсовые слепки. А тут все так... обычно.

Расследование будто вдохнуло в кинозвезду новую жизнь. Она выглядела оживленной и красивой как никогда.

— В жизни все совсем не так, как в кино, мисс Фаулер, — заметил инспектор наставительно, и лишь морщинки у глаз выдавали иронию.

Старый дворецкий — Уильямс, кажется, — неодобрительно поджал губы и продолжил раскладывать по тарелкам яйца, копченую рыбу, сэндвичи и бекон. Никакой овсянки, слава богу!

Старания дворецкого пропали втуне. Полковник Хьюз, который вернулся домой всего четверть часа назад, жадно глотал воду и морщился от одного взгляда на еду. Родерик Хьюз, который ночью налегал на клубнику с шампанским и устрицами (как шепнула мне бесценная Лиззи), простой пищей пренебрег. Викарий решил поститься и обошелся кусочком поджаренного хлеба, сестра последовала его примеру. Леди Присцилла жевала изюм и курагу, которые, в нарушение всяческих приличий, принесла с собой. Леди Сибил цедила бульон, специально для нее доставленный с кухни. Роуз, ни на кого не глядя, выпила стакан молока с булочкой.

— Вы серьезно думаете, что я рискну что-нибудь съесть — в этом доме? — с веселым ужасом спросила Леона Фаулер, когда дворецкий поставил перед ней тарелку.

— Съешь вареное яйцо, — посоветовал профессор хладнокровно. — Или фрукты, в них затруднительно добавить яд.

И намазал тост мармеладом.

Лицо дворецкого стало вовсе уж скорбным, будто он собирался выйти из столовой и немешкая утопиться.

— Уильямс, будьте добры, — позвала я с улыбкой. — Наложите мне побольше.

Он благодарно просиял, сказал с достоинством:

— Конечно, мисс.

— А вы смелая женщина, мисс Райт, — заметил мистер Гилмор, который даже не приотворился, будто что-то ест.

— Едва ли, — пожала плечами я. — Просто вряд ли кому-то в этом доме вздумается меня отравить. И, между нами говоря, после жареной саранчи меня трудно чем-то удивить.

— Фу-у-у! — скривилась Леона, прикрыв ярко накрашенный рот рукой. — Какая мерзость!

— Не ты ли тянула в рот муравьев? — хмыкнул профессор Фаулер. — И говорила, что они приятные, кисленькие.

— Мне тогда было семь лет! — вознегодовала Леона. — Между прочим, я сто раз ездила с тобой, и никаких тараканов мы не ели.

— Я брал тебя в самые безопасные экспедиции, — напомнил он, улыбаясь, и откинул со лба золотистую челку.

Леона надулась и по-детски показала ему розовый язычок.

— Мог бы и подыграть.

— Можно узнать, чего мы ждем? — поинтересовалась леди Сибил, прерывая их пикировку. — Сутки ведь уже прошли, не так ли?

И чуть заметно поежилась, точно мысль о смерти старой подруги вызывала у нее озноб. На правах больной она расположилась в удобном кресле, которое специально ради нее принесли из гостиной. Под больную ногу ей примостили обитую бархатом скамеечку, а под спину — штук пять вышитых подушек.

— Доктора, — ответил инспектор, взглянув на часы. — Он обещал вернуться к десяти.

— Думаете, еще кого-нибудь отравят? — Леона отвлеклась от апельсина, который ей пришлось очистить самой.

Джентльмены, несмотря на ее кокетливые взгляды, на помощь не спешили.

— К слову, — улыбка мистера Гилмора стала мефистофельской, — Фаулер, вы неправы. Фрукт нетрудно отравить с помощью шприца.

Леона подавилась и закашлялась.

— Откуда такие познания? — ядовито поинтересовался профессор, хлопая сестру по спине.

Священник сказал с упрёком:

— Мистер Гилмор! — И покачал головой.

Чарльз Гилмор поднял руки и рассмеялся.

— Сдаюсь, сдаюсь. Простите, не удержался.

Инспектор выглянул в окно, которое выходило на подъездную аллею, и запоздало пояснил:

— Я заручился помощью доктора на случай, если дамам станет дурно. Вот и он, кстати.

— Разумно. — Леди Присцилла отрывисто кивнула и встала. — Прошу меня извинить, мне нужно подготовиться.

Она вышла, а инспектор попросил, не повышая голоса:

— Леди и джентльмены, пожалуйста, отойдите к стенам.

Это походило на дрянной спектакль в каком-нибудь любительском театре. Портьеры задернуты. Ковер свернут. Стулья полукругом расставлены вдоль стен, оставляя свободной импровизированную сцену. Почти в центре, на том самом месте, где лежала умирающая леди ХХХ, теперь мелом вычерчена пентаграмма. По углам ее толстые свечи, а в центре красуются бриллиантовое кольцо, соболье манто, горшок с геранью и — вершина абсурда — тарелка с засохшими остатками овсянки. Реквизит? Подношение духу?

— Любопытный натюрморт, — вполголоса заметил Чарльз Гилмор, ухмыляясь совершенно беззастенчиво.

Инспектор пожал плечами.

— Указание леди Присциллы.

— А, помню. Что-то живое и что-то мертвое. — Мистер Гилмор пододвинул мне стул.

— Можно подробнее? Я ничего не поняла! — жалобным голоском маленькой девочки попросила Леона Фаулер и захлопала ресницами. Только густой слой туши образу ребенка не очень-то соответствовал.

Мистер Гилмор оглянулся через плечо и неопределенно повел пальцами.

— Насколько я понял, нужно что-то вроде... приманки?

— Якоря, — подсказал профессор, кажется, знающий все на свете. — То, что покойная больше всего любила при жизни. И то, что связано с ее смертью... Викарий, с вами все в порядке?

Священник и впрямь был бледен, на лбу блестели капли пота.

— Да-да, — часто заморгал он, теребя закладку молитвенника. — Знаете, я... я ужасно боюсь призраков!

— Бояться нужно живых, — посоветовал инспектор серьезно.

Викарий лишь беспомощно улыбнулся. Доктор Пэйн порылся в своем саквояже и заставил священника выпить какую-то подозрительно пахучую микстуру. Я повела носом. Сдается мне, коньяка в ней было больше, чем валерьянки. Зато викарий порозовел на глазах.

— Может, мы наконец начнем? — скучающим тоном предложил Родерик Хьюз и закинул ногу на ногу. — Вообще-то у меня другие планы на остаток дня.

Он совсем не скорбел о леди ХХХ. Интересно, а Роуз будет плакать на моих похоронах? Кроме нее, у меня никого нет.

Я взглянула на племянницу, которая сидела, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой. Место она выбрала, как нарочно, в другом конце столовой. Или просто решила сесть рядом с доктором Пэйном? Да нет же. Готова поклясться, Роуз все утро меня избегала. Хотела бы я знать, почему?

Несколько утешало, что Родерика она избегала тоже.

— Думаю, мистер Хьюз, торжество справедливости куда важнее ваших планов, — заметил инспектор с холодком.

Родерик скривил губы.

— Кому это нужно? Мертвых не вернуть.

— Закон смотрит на это иначе, мистер Хьюз. — Инспектор повернулся к констеблю Грегтсону, который замер у двери с таким видом, будто стоял на часах у входа в королевский дворец. Даже живот как мог втянул. — Констебль, пригласите леди Присциллу.

— Да, сэр! — рявкнул он так, что леди Сибил поморщилась, и утопал в коридор.

Второй констебль, худой и нескладный юноша в чуть великоватой форме, торопливо затачивал карандаш. Блокнот он уже держал под рукой, готовясь стенографировать. Очевидно, к инспектору прибыло подкрепление.

Леди Присцилла потрясала воображение: босая, простоволосая, в каком-то немыслимом балахоне из дерюги, подпоясанном обычной веревкой. Седые волосы спадали волнами почти до колен, глаза поблескивали колдовской зеленью.

— Ах, какой типаж! — воскликнула Леона и захлопала в ладоши.

— Мисс Фаулер, прошу вас, — сказал инспектор с упреком.

— Извините, — тонким голосом повинилась она, опуская лукавые глаза. — Я больше не буду.

Леди Присцилла дважды стукнула тростью об пол, заставляя зрителей умолкнуть.

— Вы готовы, викарий? — обратилась она к бледному пастору.

Он выглядел как великомученик, которого тащат на съедение львам. К тому же бедняге пришлось отслужить воскресную службу пораньше, чтобы успеть вернуться.

— Д-да, — выдавил он, заикаясь, и схватился за Библию, словно утопающий за соломинку. Потом часто заморгал и испуганно воззрился на старую ведьму. — Ох. Простите, кажется, я забыл слова...

Инспектор прикрыл лицо рукой. Леди Присцилла возвела очи горе и пообещала суфлировать. Викарию оставалось лишь повторять за ней.

— Я, Джеймс Миллер, викарий прихода Дорсвуда, позволяю и повелеваю ведьме Присцилле Поуп магические действия, необходимые для вызова души покойной Хелен Хэлкетт-Хьюз.

Старая формула, бывшая в ходу уже лет сто. С тех пор, как ведьмам официально разрешили колдовать (разумеется, в рамках закона).

Констебль пальцем приподнял сползающий на нос шлем и принялся торопливо строчить в блокноте.

Ведьма усмехнулась и ответила столь же традиционным:

— Внимаю и повинуюсь.

От неприкрытой насмешки щеки викария запунцовели. Он закусил губу и отвернулся, а леди Присцилла обратилась к зрителям:

— Мне нужна помощь.

— Я готов, — тут же вызвался мистер Гилмор.

— Увы, вы не подходите. — Ведьма развела руками, чуть не угодив посохом в глаз бедняге викарию, и мне отчего-то не верилось, что нечаянно. — Нужно четыре человека, которых Хелен любила.

Взгляд ее остановился на сыне и муже покойной.

— Четыре человека? — Леона невоспитанно фыркнула, разглядывая свой безупречный маникюр. — Вряд ли вы найдете хотя бы двух. Видно же было, что леди любит только себя. Ну, может, еще сына.

— Мисс Фаулер. — Инспектор нахмурился. — Я, конечно, ценю вашу непосредственность, но попрошу не мешать.

— Я ведь могу и чары наложить, — заметила леди Присцилла в пространство. — Жаль только, что «печать безмолвия» такая капризная. Может сработать на час, а может на неделю или даже месяц...

Мистер Гилмор хмыкнул, а инспектор отвернулся, скрывая улыбку.

— Сдаюсь, — подняла руки Леона. — Я больше не буду.

Леди Присцилла изогнула бровь, явно в этом сомневаясь.

— Родерик, — позвала она. — Бартоломью.

Родди с обычной скупающей миной поднялся с места, а полковник Хьюз вздрогнул, словно только-только очнувшись ото сна. Выглядел он неважно, будто маялся несварением желудка. Ну, или укорами совести — симптомы схожи.

— Леди Сибил, — продолжила ведьма, обведя взглядом гостей. Выбор и впрямь был небогатый.

Та ответила со смешком:

— Какая честь! Боюсь, милый Родерик, тебе придется меня нести.

И выразительно приподняла изящную щиколотку, перевязанную бинтом.

— Какой стыд... — пробормотал викарий, заливаясь краской.

— Роуз, милая, — закончила леди Присцилла, и Леона, не удержавшись, прыснула. Ведьма, наградив ее длинным взглядом, пояснила: — Ненависть тоже подойдет. Главное — сильные чувства.

Роуз поежилась, как от озноба, поднялась с места и заявила храбро:

— Я готова.

— Какая драма, — не удержалась Леона Фаулер. — Убийца и жертва лицом к лицу.

Леди Присцилла сверкнула глазами.

— Милочка, вы мне надоели.

Она прищелкнула пальцами — и смех Леоны резко оборвался. Актриса беззвучно развела рот, потом веселье в ее глазах сменилось ужасом. Она поднесла руку к горлу и смертельно побледнела.

Доктор вздохнул и полез в саквояж за микстурой.

Профессор взвился:

— Что вы себе позволяете?!

Светловолосый и сложенный, как эллинский бог, в гневе он выглядел так, что я невольно залюбовалась.

— Значительно меньше, чем могла бы — с учетом обстоятельств, — отрезала старая ведьма. — Надеюсь, мне простят такую вольность. Викарий, инспектор...

Представители властей — светской и церковной — дружно кивнули.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил инспектор, потирая губы, чтобы скрыть усмешку.

Ведьма расставила четверых помощников в лучах звезды (леди Сибил сидела) и сама встала пятой.

Горели свечи. Леди Присцилла говорила нараспев. Мерный речитатив заклинаний падал в тишину комнаты, словно камни в озерную гладь. Магия баламутила мертвенно-спокойную воду потустороннего мира, поднимала со дна ил...

Наконец в пентаграмме за клубилась сизая воронка, в которой проглядывали то черепа, то чьи-то призрачные руки. Сильно запахло воском и ладаном.

Рут Миллер охнула, викарий Миллер схватился за сердце, инспектор подался вперед, а мистер Гилмор, напротив, откинулся на стуле. Остальные будто оцепенели.

Глаза Роуз были расширены, Родерик криво улыбался, полковник Хьюз дрожащими губами читал молитву (никогда бы не подумала, что он столь набожен), а леди Сибил теребила сережку.

— ...Хелен Хэлкетт-Хьюз! — громко и отчетливо завершила тираду ведьма.

И с облегчением перевела дух. Нелегко, должно быть, столько говорить на одном дыхании.

Воронка недовольно дернулась — и в перекрестье лучей из дыма соткалась призрачная фигура.

— Хелен! — выдохнул полковник Хьюз.

Она не удостоила его и взглядом.

— Родди! — Дух простер руки к сыну. — О, Родди.

Голос леди ХХХ звучал узнаваемо, но со странным пришепетыванием, как будто смерть испортила ей прикус.

— Здравствуй, мама! — бестактно брякнул Родерик.

Что-что, а здравствовать она уже никак не могла.

— Леди, — вмешался инспектор, обходясь без имен и расшаркиваний. И то дело, пока всякий раз выговоришь это «леди Хэлкетт-Хьюз», дух умчится в горние выси. — Вы знаете, кто вас убил?

— Нет, — отмахнулась она, поедая взглядом сына. — Какая разница?

— Я полицейский и должен найти вашего убийцу. Вы можете что-то о нем сказать?

— Это неважно. — Она нахмурила лоб и обратилась к сыну: — Родди, будь осторожен. Тебя погубит женщина!

Тоже мне, новость.

— Ладно, — пробормотал Родерик, отчего-то покосившись на Роуз.

На нее же смотрел и дух, с каждым мгновением наливаясь гневом и мощью.

— Ты-ы-ы!

Леди ХХХ, обезумев, кинулась на Роуз... и налетела на невидимую стену. Взыла. Заколотила по преграде. Пламя свечей затрепетало, как на ветру. Дух бесновался, вновь и вновь кидаясь на преграду. Не зря говорят, что от «пыльцы фэйри» можно помутиться рассудком.

Я вскочила на ноги. Что делать? Оттолкнуть Роуз? Швырнуть стулом в духа? Вряд ли это поможет, но бездействовать — выше моих сил.

Леди Присцилла простерла руки и бросила несколько слов. Из туманной дымки слепилось нечто белое, упало на плечи леди ХХХ — и спеленало авангардным подобием смиренной рубашки. Так ее!

— Хелен, води себя прилично! — прикрикнула леди Присцилла и погрозила племяннице узловатым пальцем. — Инспектор?

Он кивнул и спросил без обиняков:

— Леди, это мисс Роуз Карпентер вас убила?

Роуз ахнула и прикрыла рот рукой.

— Не знаю, — скривила губы леди ХХХ.

— Почему тогда вы обвинили мисс Карпентер? — допытывался инспектор.

— Кажется, я... — Она закатила глаза. — Все будто в тумане...

Леди Присцилла постучала по циферблату наручных часов.

Инспектор кивнул и заторопился:

— У вас были враги? Вам угрожали?

— Нет и нет! — ответила леди ХХХ, не задумываясь. Даже в смиренной рубашке выглядела она величаво. — Меня все любили.

Спорное утверждение.

— Викарий? — отступил инспектор, отчаявшись чего-то от нее добиться.

— Хелен Хэлкетт-Хьюз, желаете ли вы исповедаться? — дрогнувшим голосом предложил священник, выступая вперед.

— Обойдусь. — Она вновь посмотрела на сына. — Береги себя, Родди, дорогой!

Призрачная фигура начала таять. Ярко мигнула напоследок, и до нас долетели последние слова:

— И пусть мой душистый горошек выиграет конкурс!

Дух исчез, а викарий, охнув, вдруг обмяк. К счастью, доктор Пэйн со своей микстурой был начеку.

В столовой стоял галдеж. Нехорошо так говорить о якобы приличных людях, но что поделать, если они галдят, как стая уток?

Полковник Хьюз гремел, потрясая кулаком:

— Я же говорил, что это она!..

Он успел втихомолку глотнуть из фляжки, и это нехитрое средство весьма его подкрепило.

— Отец, мама ничего такого не сказала, — поморщился Родерик.

Вступился за Роуз? Надо же! Оказывается, у него еще сохранились остатки совести.

Полковник Хьюз побагровел.

— Хелен дала понять, что...

К счастью, никто не позволит полиции тащить в суд призраков уважаемых граждан.

— Хелен совсем как старуха. — Низкий грудной голос леди Сибил без труда перекрыл бас полковника Хьюза. — Волновалась только о сыне и цветах.

Она привольно раскинулась в кресле, перебросив ноги через подлокотник. Викарий и его благовоспитанная сестра старались на нее не смотреть. Священник был все еще бледен, однако доктор заверил, что он уже вне опасности.

— Старой быть не так плохо. — Леди Присцилла успела переодеться и даже заплести волосы и теперь попивала кофе. — Вам, моя милая, еще предстоит это понять.

Леди Сибил содрогнулась.

— Упаси бог! — Она несколько принужденно рассмеялась, обмахивая лицо рукой. — Надеюсь, я до этого не доживу.

Профессор Фаулер тем временем громко рассказывал сестре о традициях вызова духов. Леона же выглядела так, будто никак не могла решить: устроить скандал или расплакаться? Расплакаться не позволяла гордость, а скандалить, когда не можешь вымолвить ни слова, затруднительно. Разве что письменно, но это ведь совсем не то!

Полковник Хьюз гаркнул:

— Инспектор! Почему вы ее не арестуете?

— Кого именно? — осведомился полицейский, поднимая взгляд от своих записей.

— Эту мисс Карпентер, — с отвращением произнес полковник Хьюз. — Моя жена прямо на нее указала! Это приравнивается к свидетельству, ведь так?

Как-то уж слишком настойчиво он пытается спустить на Роуз всех собак. Видимо, потому, что у самого рыльце в пушку, как говаривала миссис Доусон, моя старая нянька.

И тут я чуть не подскочила на месте. Вспомнила, где видела ту заколку!..

— Духи не могут лгать, — пробормотал профессор, переглянувшись с сестрой.

— Ваша жена признала лишь, что не питает к мисс Карпентер добрых чувств, — парировал инспектор хладнокровно и перелистал записи: — На вопрос инспектора «Вы знаете, кто вас убил?» дух ответил «нет», а на вопрос «Леди, это мисс Роуз Карпентер вас убила?» был ответ «Не знаю». Как видите, полковник Хьюз, констебль Догсли тщательно записал все слова вашей покойной жены.

— Я пожалуйюсь вашему начальству! — пригрозил полковник Хьюз громогласно. Его лицо и шея стали кирпично-красными.

Инспектор ничуть не уstraшилcя.

— Как вам будет угодно.

Полковник Хьюз дернул узел галстука.

— Надеюсь, гости уже могут... разъехаться?

Очевидно было, что ему хотелось сказать что-то вроде: «Убраться отсюда к чертовой матери!»

Родерик закатил глаза.

— Отец...

Полковника можно было понять. Похороны и расследование сами по себе малоприятны, не говоря уж о слухах, которые из-за этого пойдут. А тут еще полон дом гостей! Любой из которых, к слову, может оказаться убийцей.

— Как невежливо, — пробормотала леди Присцилла, улыбаясь одними глазами.

— Надеюсь, в деревне найдется, где снять комнату? — Профессор выглядел оскорбленным в лучших чувствах.

Зато викарий с сестрой явно обрадовались. Еще бы, им-то не придется спешно искать себе пристанище.

Каюсь, я тоже чувствовала лишь облегчение. Хватит с меня таких приключений, не для того я вернулась в Альбион.

— Я не имел в виду ничего такого!.. — попытался сдать назад полковник Хьюз, побагровев совсем уж опасно.

Того и гляди, получит апоплексический удар. Жаль, доктор уже откланялся.

— Боюсь, — сказала леди Присцилла, кашлянув, — в Дорсвуде нет гостиницы. Только небольшой паб, но там не сдаются комнаты.

— Вы можете оставаться, сколько... словом, сколько пожелаете. — Полковнику Хьюзу явно стало неловко. — Те, кто захочет.

— Благодарю покорно. — Тон мистера Гилмора был полон иронии. — Я предпочту вернуться к себе. Разумеется, если власти, — легкий поклон в сторону полицейских, — не возражают.

— Нисколько, — заверил инспектор. — Но к двум часам приедет поверенный, и он наставлял, чтобы вы, леди Присцилла, и вы, викарий, присутствовали при оглашении завещания.

Родерик присвистнул.

— Неужели мама оставила все вам? Вот будет номер!

— Не говорите глупостей, юноша! — Леди Присцилла отставила чашку и оперлась о трость. — Конечно, я останусь, инспектор.

— Это действительно необходимо? — Викарий все еще колебался.

— Я не задержу вас дольше ленча, — пообещал инспектор, убирая записи.

Роуз пулей вылетела из столовой. Я проводила ее долгим взглядом. Догонять или нет? Пожалуй, не стоит. Она слишком расстроена, чтобы рассуждать здраво. Пусть наплачется вдоволь, после поговорим.

Я предпочла замешкаться, делая вид, что ищу оброненный платок. Благо, остальные гости старались не задерживаться ни на одну лишнюю секунду.

— Вы уже третий раз на него смотрите, — заметил инспектор с еле уловимой насмешкой. — Присаживайтесь. Могу я узнать, зачем вы остались?

— Разумеется, — больше не было нужды изображать слепого крота, так что я подобрала платок и спрятала в карман.

Инспектор сидел у окна и перелистывал блокнот с заметками. Свет наискось падал на его лицо, пряча выражение глаз, но подчеркивая тонкие морщинки. Должно быть, ему около сорока.

— Прежде всего, позвольте поблагодарить вас, инспектор.

— За что же? — Он удивленно изогнул бровь.

— За то, — ответила я серьезно, — что вы не ухватились за удобного во всех смыслах козла отпущения.

— Мисс Райт! — перебил инспектор, подавшись вперед. Голос его вдруг стал резким, как свист кнута. — Мне не нужен, как вы изволили выразиться, козел отпущения. Мне нужен убийца, и рано или поздно я его арестую. Если это ваша племянница, то тем хуже для нее. В противном случае ей ничего не грозит.

— Простите, — искренне сказала я после недолгой паузы и сцепила пальцы на коленях. — Видимо, я... слишком долго жила там, где полицейские не столь щепетильны.

— Простите и вы меня, — вздохнул инспектор, крутя в пальцах карандаш. — Я близко к сердцу принимаю подобные вещи. Между нами говоря, я не считаю мисс Карпентер убийцей. Однако пока я не вправе ее исключать, понимаете?

— Понимаю, — кивнула я. — Я хотела вот о чем рассказать...

И я подробно, однако не вдаваясь в собственные рассуждения, пересказала ему заинтересовавшие меня разговоры с садовником и горничной.

— Значит, внезапно вспыхнувшие чувства. — Инспектор задумчиво потер лоб. — Любопытно. Желаете еще что-нибудь добавить?

— Только одно, — поколебавшись, все же сказала я. — Надеюсь, вы заметили, что леди ХХХ даже не взглянула на мужа?

— Это ни о чем не говорит.

— Это говорит о многом. Женщина не может прожить с мужчиной больше двадцати лет и забыть его, как сюжет бульварного романчика.

— Боюсь, вы не слишком в этом компетентны, мисс Райт, — уколол меня инспектор.

— Я старая дева, инспектор, но я не дура, — парировала я и поднялась. — Спасибо, что уделили мне время.

— Благодарю, мисс Райт. — Он вежливо наклонил голову и задумчиво постучал карандашом по обложке блокнота. — Я ценю ваши усилия, но постарайтесь больше не вмешиваться в расследование. Это может быть опасно.

— Не беспокойтесь, инспектор. Я не стану путаться у вас под ногами. Желаю удачи. Сама не знаю, почему мне вдруг стало так досадно.

Акт второй, действие второе. Снова столовая, чем-то она инспектору приглянулась. Снова ряд стульев у стен. Снова задернутые шторы. И освященный временем ритуал, только леди ХХХ на этот раз присутствовала незримо.

Поверенный Симмонс, пожилой мужчина с впечатляющими залысинами и болезненно желтым лицом, с выражением зачитывал мудреные юридические формулировки. Казалось, они доставляют ему удовольствие не меньшее, чем меломану — виртуозное исполнение какой-нибудь фуги или сонаты.

Места перед ним заняли родственники покойной: муж, сын и троюродная тетка. Инспектор расположился рядом с поверенным, в дальнем углу скромно устроился констебль Догсли, который без шлема оказался совсем юным и трогательно лопухим. Лицо бедного констебля вытягивалось с каждой заумной фразой, однако он упорно что-то царапал в блокноте.

Желание присутствовать, кстати, изъявили все, промолчала разве что Леона Фаулер, и то лишь в силу того, что дар речи к ней пока не вернулся.

— В сущности, завещание очень простое. — Поверенный взглянул на родственников клиентки поверх очков. — За вычетом небольших сумм слугам и этого дома, который останется в пожизненное пользование вдовцу, все прочее движимое и недвижимое имущество леди Хэлкетт-Хьюз завещала сыну.

— Что?! — вскричал полковник Хьюз, будто подброшенный катапультой. — Этого не может быть. Хелен мне обещала... Это какая-то ошибка!

Мина поверенного стала кислее уксуса, а в голосе прозвучали оскорбленные нотки.

— Могу вас уверить, наша контора соблюла волю леди Хэлкетт-Хьюз в точности.

— Не надо так нервничать, Симмонс, старина. — Родерик не скрывал довольной улыбки. — Мы вам верим.

— Хелен обещала переписать завещание! — прорычал полковник Хьюз, потрясая кулаком.

— Это так, — кивнул поверенный. — Мы обсуждали изменения, которые леди Хэлкетт-Хьюз желала внести, и подготовили проект нового завещания. Увы, леди Хэлкетт-Хьюз не успела его подписать.

Полковник Хьюз обмяк в кресле и тяжело дышал. Инспектор, прищурившись, наблюдал за ним.

Поверенный откашлялся и добавил:

— Леди Хэлкетт-Хьюз оговорила, что в полное владение имуществом вы, мистер Хьюз, вступите лишь по достижении двадцатипятилетнего возраста, до того момента вы сможете пользоваться лишь процентами с капитала.

Радость Родерика несколько потускнела.

— Это все? — поинтересовался инспектор негромко.

— Почти. Мне осталось сообщить лишь о двух моментах. — Мистер Симмонс поправил очки. — Во-первых, леди Хэлкетт-Хьюз составила отдельное завещательное распоряжение в пользу... — Полковник Хьюз привстал, но поверенный сбил его на подлете безжалостным: — Викария Миллера. С тем, чтобы данная сумма была потрачена на ремонт церкви.

— Ох. — Викарий схватился за сердце, однако новая порция успокоительной микстуры привела его в чувство. Он только моргал и растерянно повторял: — Это так неожиданно... так неожиданно!

На глазах викария, ко всеобщему смущению, блеснула влага.

Доктор же мрачно поболтал остатками валерьянки и спрятал пузырек в карман. Видимо, чтобы всякий раз не лезть в саквояж. Остальные гости, затаив дыхание, наблюдали за разыгрывающейся семейной драмой.

— Во-вторых, — продолжил поверенный, откашлявшись, — своим душеприказчиком покойная назначила леди Присциллу Поуп, на которую, помимо прочего, возлагается обязанность проследить, чтобы полковнику Хьюзу выплачивалось содержание, достаточное для ведения домашнего хозяйства и удовлетворения потребностей вдовца... С этой целью создан специальный трастовый фонд. На этом все.

Он с видимым облегчением спрятал бумаги в кожаный портфель.

— Что?! — Полковник Хьюз хватал воздух ртом. — Содержание!.. Мне!

Родерик Хьюз, не скрываясь, хохотал.

— Сэр! — сказал поверенный укоризненно и поджал губы.

— Душеприказчик — женщина!.. — хрипел полковник Хьюз.

Доктор держал успокоительное наготове, но приближаться к пациенту, очевидно, пока не опасался. Разумные люди не суются под копыта разъяренного быка.

Леди Присцилла поморщилась. Она вовсе не выглядела польщенной таким доверием.

— Могу ли я отказаться? — поинтересовалась она сухо.

— Разумеется, — поджал губы поверенный. — Однако этим вы нарушите последнюю волю вашей родственницы. И могу вас заверить, леди Присцилла, что ваши обязанности не будут слишком утомительны.

При такой постановке вопроса леди Присцилле увиливать было неловко, и она нехотя кивнула.

— Скандал! — проревел полковник Хьюз. — Это немыслимо! Незаконно!

— Мы бы не допустили ни малейшего нарушения закона, — оскорбился поверенный. — В правилах наследования не оговаривается, что душеприказчик непременно должен быть мужского пола.

— Но это же подразумевается! — возмутился полковник Хьюз. — Иное никому и в голову не могло прийти!

— Это слишком умозрительно, — развел руками поверенный.

— Все, что прямо не запрещено законом, — разрешено, — вставил расхожую юридическую сентенцию инспектор и поднялся. — Благодарю, мистер Симмонс.

— Надеюсь, вы останетесь на ленч? — тоном гостеприимного хозяина предложил Родерик.

Полковник Хьюз, уже начавший было успокаиваться, снова побагровел.

Однако доктор ловко влил в него остатки микстуры, сокрушенно посмотрел на опустевший пузырек и пробормотал:

— Надо было прихватить целую бутылку...

Один только Родерик Хьюз принялся за ленч с аппетитом. Он уплетал тосты, намазывая их черносмородиновым джемом.

Полковник Хьюз сидел, подперев голову рукой и мрачно сверля взглядом оленье рога на стене. Еда на тарелке перед ним осталась не тронута.

Гости — все до единого — явно чувствовали себя ужасно неловко. Однако между ними словно пролегла невидимая черта, разделившая их на две неравные группы. Местные жители ерзали в ожидании счастливого момента, когда можно будет сбежать домой. Приезжим деваться было некуда, им придется ждать дознания.

Родерик занял кресло покойной матери и, размахивая очередным тостом, разглагольствовал.

— Думаю, мне придется выделить деньги на ремонт дома. Не хватает еще парочки ванных и бильярдной. И пора наконец провести центральное отопление! Эти камины пожирают массу дров, а в комнатах все равно холодно.

— Это мой дом, — буркнул его отец, глядя на сына исподлобья.

Родерик почесал щеку.

— Ну да. Но я же буду наезжать сюда на уик-энды с друзьями, так что могу и раскошиться.

Полковника Хьюза перекосило. Лицо поверенного выражало вежливое недоумение.

Местные жители кисло переглянулись. Видимо, в понимании Родерика отдых с друзьями — это развеселые пирушки, когда музыка и шум на всю округу. Веселенькая перспектива для соседей!

У викария стало такое лицо, будто он прикидывал, не заказать ли сразу бочку-другую святой воды и пару фунтов ладана. Хотя сомневаюсь, что это поможет.

— Родерик, милый, — мягко сказала леди Сибил, разрезая на дольки яблоко. — По-моему, нам стоит сменить тему.

— Поговорим о погоде? — рассмеялся он. — О, эта тема никогда не подведет! Давайте все обсудим замечательный дождь. Он так чудесно освежает, правда?

По стеклам барабанили крупные капли.

Леди Присцилла нахмурилась и стукнула об пол тростью.

— Постеснялся бы! Тело твоей матери еще не опустили в могилу.

— Да будет вам, тетя Присцилла, — поморщился Родерик, ослабил узел галстука и потер шею. — Какой смысл притворяться? Завещание-то уже зачитали.

— Но еще не утвердили, — напомнил инспектор негромко.

Родерик поднял брови.

— Думаете, где-нибудь за обивкой кресла обнаружится новое? Бросьте, такое бывает только в романах. Но, если вам будет спокойнее...

Он поерзал, демонстративно запустил руку за подушки кресла и вдруг застыл.

— Смелее, — подбодрил инспектор с насмешкой. — Покажите нам, что вы там нашли.

Родерик сказал с досадой:

— Ну и болван же я!

Он вытащил руку с зажатым в ней листком.

— Позвольте. — Инспектор ловко отобрал у него бумагу и развернул.

— Что там? — вытянул шею Родерик, пытаясь заглянуть ему через плечо.

Инспектор молча продемонстрировал всем за столом лист с надписью, составленной всего из двух фраз: «Хотите узнать кое-что интересное? Я вам расскажу!» Слова были вырезаны из газеты и наклеены на лист.

Лицо полковника Хьюза сделалось скорбным. Не завещание!

— Колонка Стива Паркинсона, — пробормотал мистер Гилмор, с интересом разглядывая записку. — По-моему, стоит снять отпечатки пальцев, старина.

— Разумеется, — отмахнулся инспектор. — Хотя сомневаюсь, что мы найдем что-то полезное. В наше время все знают об отпечатках пальцев.

— Кто такой этот Стив Паркинсон? — осведомилась леди Присцилла, глядя на записку, словно на таракана.

— Скандальный журналист из «Альбион-ньюс». — Профессор не утерпел, воспользовался случаем проявить свою осведомленность. — Он каждую статью предваряет этой фразой.

— Точно! — прищелкнул пальцами Родерик. — А я-то подумал, что-то знакомое. Значит, маму шантажировали? Вот вам и разгадка.

И вновь ожесточенно почесал шею, на которой появилась красная сыпь. Что это с ним?

На лице викария отразился ужас. Убийство, шантаж — в его тихом приходе?! Сестра успокаивающе погладила священника по плечу.

— Не думаю, мистер Хьюз, — ответил инспектор очень вежливо. Он всегда так делал, когда хотел поставить собеседника на место. — Текст больше похож на послание какого-нибудь доброхота.

— Я слышал, осторожные шантажисты часто так начинают, — возразил Родерик быстро. — Так сказать, сначала прощупывают почву, а после уж требуют денег.

— Как любопытно, — заметила леди Присцилла вполголоса. — Откуда тебе это известно?

Он махнул рукой и откусил кусочек тоста.

— Где-то слышал. Знаете, как бывает? Говорят то тут то там.

Леди Присцилла недоверчиво покачала головой, а инспектор добавил:

— Шантажисту невыгодно убивать жертву.

— С мертвой коровы молока не надоишь! — выдал вдруг полковник Хьюз, а Леона захлопала в ладоши.

Говорить она по-прежнему не могла, зато всюю пользовалась жестами. Таким нехитрым способом ей удавалось выражать огромный спектр эмоций. Актерское мастерство, ничего не скажешь.

Родерик нахмурился, отодвинул манжет рубашки и почесал руку — яростно, оставляя полосы от ногтей. Посмотрел на свою кожу, испещренную россыпью мелких волдырей, и удивленно сказал:

— По-моему, я заболел.

Началась суета. Доктор подскочил с места, кажется, проклиная день и час, когда он вздумал заглянуть в дом Хьюзов. Лакея отослала за полотенцами и горячей водой — бог весть, для чего. Полковник Хьюз вышагивал из угла в угол. Поверенный что-то вполголоса объяснял инспектору. Я разобрала только, что речь шла о том, кому достанется имущество в случае смерти Родерика. Не рановато ли его хоронят?

Доктор пощупал пульс Родерика, заглянул в зрачки, внимательно изучил покрасневшую кожу, измерил температуру. Роуз, добрая душа, ему помогала.

— Что скажете, доктор? — осведомилась леди Сибил, отламывая ложечкой кусочек пирожного.

— Нервы? — предположила леди Присцилла иронически.

— Побойтесь бога, тетя Присцилла! — возмутился Родерик.

Викарий набожно перекрестился.

Доктор неторопливо складывал в чемодан тонометр, градусник и прочие пугающие медицинские принадлежности.

— Я бы сказал, сильная аллергия. У вас раньше такое было?

— А как же. — Лицо Родерика просветлело. Очевидно, он тоже успел вообразить себя на смертном одре. — На мед!

— Мед? — странным тоном повторил инспектор и подошел к буфету. — Но сегодня его не подавали.

— Я ел только тосты с черносмородиновым джемом, — сказал Родерик быстро. — И пил чай.

— Чай я сам заваривал, — скорбным голосом проговорил дворецкий, как будто это приравнивалось к признанию в убийстве. — Черный, без сахара и молока.

— Значит, джем... — Инспектор взял баночку, понюхал и, сунув палец, лизнул. — Я не специалист, но, по-моему, тут много меда. Мистер Хьюз, вы ничего подозрительного не заметили?

— Он был слишком увлечен, — съязвил полковник Хьюз, — разглагольствуя о перестройке дома.

— Ничего такого. — Родерик бросил на отца взгляд, в котором не было ни унции сыновней любви, и украдкой почесал ладонь.

Доктор тут же принялся отмерять какую-то микстуру, бурую, как хелат железа. Родерик принял ее без возражений и выпил залпом, только поморщился.

— Но в этом джеме нет меда, сэр! — ужаснулся дворецкий, хватая воздух ртом.

— Как назло, валерьянка закончилась, — с досадой пробормотал доктор и велел: — Уильямс, налейте себе немного коньяка.

— Но...

— Назначение врача! — сурово отрезал доктор Пэйн, и дворецкий повиновался.

Дождавшись, пока в лицо слуги вернутся краски, инспектор уточнил:

— Вы сами варили этот джем?

— Наша кухарка, — кивнул дворецкий, учащенно дыша. — Мастер Родерик... Простите, молодой хозяин с самого детства его любит. Только никому бы и в голову не пришло бы класть в него мед. Все знают, что молодому хозяину его нельзя.

— То есть случайность исключена, — заключил инспектор. — Доктор, что произошло бы, если бы мистеру Хьюзу не оказали помощь вовремя?

— Сложно сказать. — Доктор пригладил рукой рыжеватые волосы, его конопатое лицо стало очень серьезным. — Но, судя по скорости развития аллергической реакции... Вплоть до летального исхода от отека гортани. Мистеру Хьюзу очень повезло, что у меня было при себе нужное зелье.

— Значит, в доме по-прежнему орудует отравитель? — вдруг тоненьким голоском спросила Леона. — Ну и дела!

— Ты опять говоришь! — обрадовался профессор.

Леона, морщась, потерла горло и бросила на старую ведьму опасно-ненавидящий взгляд. Леди Присцилла лишь посмеивалась.

Инспектор вдруг хлопнул себя по коленям и поднялся.

— Кто из вас знал, — обвел он взглядом присутствующих, — об аллергии мистера Хьюза?

— Все знали, — сообщила леди Присцилла, кашлянув. — Помните, позавчера за обедом Хелен распекала нового лакея, который по ошибке подал Родерику окорок в медово-горчичной глазури?

— Да. — Инспектор почесал переносицу. — А почему вообще к столу подали такое опасное кушанье? Мне кажется, это не в характере леди Хэлкетт-Хьюз.

— Это любимое блюдо полковника Хьюза, — отмахнулась леди Присцилла. — Окорок по этому рецепту подавали на каждом званом обеде, который устраивала Хелен.

— Благодарю за разъяснения, — церемонно ответил инспектор. — А теперь я вынужден попросить вас подвергнуться обыску.

— Опять?! — простила Леона. — Сколько можно?

— Прошу прощения, — очень формально извинился инспектор. — Но это необходимо. Ничего подозрительного не нашли.

Я подслушала, как инспектор с досадой сказал мистеру Гилмору:

— Должно быть, убийца заглянул в столовую заранее. Вчера вечером я снял констебля с караула, заключив, что ничего интересного тут не осталось.

— Не бери в голову, старина. — Мистер Гилмор похлопал раздосадованного инспектора по плечу. — Ты ведь не можешь приставить к Родерику Хьюзу круглосуточную охрану. Если его и впрямь собрались отправить на тот свет...

— Ты сомневаешься? — Инспектор устало вздохнул. — Нет, Чарльз. Я не верю в такие совпадения.

— Инспектор! — К нему, сердито стуча тростью, подошла леди Присцилла. — Меня не выпускает ваш констебль!

— Все верно, леди Присцилла. Это мое распоряжение.

— Вы обещали, что после ленча мы будем вольны покинуть этот дом.

— Обстоятельства изменились. — Инспектор склонил голову к плечу.

— Ничуть! — отрезала леди Присцилла. — Нам — мне и моим служащим — ничего не известно ни о каких покушениях. Если желаете, можете позже приехать и нас допросить. А сейчас или арестуйте нас, или мы едем домой!

Инспектор смерил пожилую леди задумчивым взглядом. Очевидно, в причастность леди Присциллы он не верил и ссориться с ней по пустякам не хотел.

— Хорошо, — сдался он. — Я загляну к вам завтра.

— Благодарю, — склонила голову она. — Роуз, Мэри. Мы уезжаем.

— А как же я? — возмутился Родерик, которому после волшебной микстуры стало заметно легче. — Мне нужен уход. Правда, доктор?

Доктор Пэйн промолчал, только окинул пациента не слишком благожелательным взглядом.

— Разве? — отозвалась леди Присцилла рассеянно.

— Точно! — Родерик энергично закивал, глядя на Роуз. — Без медсестры я просто не обойдусь. Так что вы, мисс Карпентер, никак не можете меня бросить.

— Не понимаю, при чем тут я? — отозвалась Роуз холодно. — За вами вполне может ухаживать кто-то другой.

На отечном лице Родерика отобразилось удивление. Кажется, он и мысли не допускал, что рыбка может сорваться с крючка. И это после утренней сцены на лестнице? Ну и ну.

— Вы же медсестра, — ухмыльнулся он. — Заботиться о больных — ваш долг.

Роуз вспыхнула.

— Я нахожусь на службе у леди Присциллы. Почему бы вам, мистер Хьюз, не попросить о помощи... скажем, леди Сибил?

Леди Сибил выразительно потеряла перебинтованную лодыжку.

— Боюсь, я сама прикована к постели. Придется вам, милый Родди, обойтись горничной.

Лицо у Родерика стало таким, что Леона прыснула и заявила бестактно:

— Натянули вам нос!

Очевидно, вынужденное молчание на пользу ей не пошло.

Леди Присцилла произнесла чопорно, хотя в глазах ее плясали бесенята:

— Благодарю за теплый прием, Родерик. Полковник Хьюз. До свидания.

И мы с невыразимым облегчением покинули избранное общество.

В гостях хорошо, зато дома не подсыплют яду!

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.